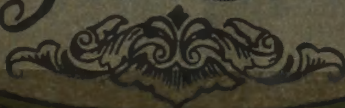
IAmshchikova, Margarita Vladimirovna

IUnosha-poet; zhizn S. IA. Nadsona

Ал. Алтаевъ

Юноша-Поэтъ.

Книгоиздательство
Жизнь и Знаніе



Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ".
Петроградъ, Фонтанка, д. 38, кв. 19. Телеф. 227-42.

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА. Книга 21-ая.

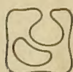
АЛ. АЛТАЕВЪ.

ЮНОША-ПОЭТЪ.

ЖИЗНЬ и ТВОРЧЕСТВО С. Я. НАДСОНА.

ЗАСТАВКИ ХУДОЖНИЦЫ А. М. ПЕТРОВОЙ.
ОБЛОЖКА ХУДОЖНИКА І. І. СМУКРОВИЧА.

СЪ 10 РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.



ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

= ТИПОГРАФІЯ Л. Я. ГАНЗБУРГА. =
ПЕТРОГРАДЪ, МЫТНИНСКАЯ УЛ., 11

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЮНОША-ПОЭТЪ.

ЖИЗНЬ и ТВОРЧЕСТВО

С. Я. НАДСОНА.

С. Надсонъ

С. Я. НАДСОНЪ.
(Родился 14 дек. 1862 г.; скончался 19 янв. 1887 г.).

I.

Раннее дѣтство.

На одной изъ улицъ Кіева, въ глубинѣ большого двора, стоялъ деревянный покосившійся флигелекъ. Было утро. Въ домѣ еще спали; только изъ кухни по временамъ раздавался звонъ убираемой посуды. Въ сѣняхъ послышался легкій шорохъ. Маленькій четырехлѣтній мальчикъ на цыпочкахъ подошелъ къ кухонной двери, съ усиліемъ отворилъ ее и просунулъ голову въ щель.

— Няня!—позвалъ онъ шопотомъ.

Изъ-за плиты показалось серьезное старческое лицо.

— Няничка... я къ тебѣ...—все тѣмъ же шопоткомъ протянулъ мальчикъ,—ты свободна?

— Ну, Сеня, у няни не очень-то много свободы,—дѣло всегда найдется. А что?

— Почитать, няня...

— А! ты вотъ о чемъ! Ну, что-жъ, иди. Вѣдь и это дѣло.

И старушка серьезно достала изъ ящика стола старенькую засаленную азбуку, стряхнула съ нея пылинку и развернула. Съ тѣмъ же дѣловитымъ видомъ усѣлась она на табуретку, со щепкой въ рукѣ. Мальчикъ, боязливо оглядываясь, прикурнулъ около нея на лавкѣ. Няня водила щепкой-указкой по книгѣ, а тоненькій голосокъ съ трудомъ тянулъ слова. Большіе задумчивые глаза ребенка такъ и свѣтились отъ радости. Кончивъ читать, онъ съ замираніемъ сердца спросилъ старушку:

— Что, няня, очень плохо, а?

— Зачѣмъ плохо, — разсудительно замѣтила няня, — и вовсе не плохо.

— А мама, ты думаешь, обрадуется?

— Да когда жъ тебѣ мама не радуется?

Няня убрала книжку, а Сеня задумчиво вышелъ изъ кухни. Завтра рожденіе мамы. Къ этому дню онъ сюрпризомъ выучился у старушки няни читать.

Сеня вышелъ на крылечко. Закрываясь рукою отъ солнца, онъ смотрѣлъ на огромный пустырь, заросшій бурьяномъ. Пустырь тянулся позади флигеля. Въ травѣ мелькнула темная головка двухлѣтней дѣвочки.

— Нюша! — закричалъ Сеня, — такъ ты уже встала?

Дѣвочка улыбнулась и поманила его рукой. Сеня спустился со ступенекъ и побрелъ среди зеленаго моря травы. Кругомъ него качались высокіе стебли полыни, бѣлыя головки ромашки... У Нюши — полный передникъ травы. Это — ея провизія. Она съ братомъ будетъ готовить обѣдъ въ уголкѣ двора.

— Подожди, Нюша, — звучитъ тихій голосъ мальчика, — я сейчасъ принесу тебѣ еще цвѣтовъ.

И Сеня торопится за цвѣтами бѣлой акаціи, поминутно спотыкаясь и путаясь въ травѣ...

Наконецъ, игра прискучила. Сеня лѣниво пошелъ домой. На крылечкѣ онъ увидѣлъ легкую стройную фигуру матери съ кроткой улыбкой на прекрасномъ лицѣ. Солнце ярко освѣщало ее, и Сенѣ казалась она ангеломъ, у котораго вотъ сейчасъ появятся за плечами бѣлоснѣжныя крылья... И съ горячей лаской онъ прильнулъ къ ней...

Больше всего на свѣтѣ онъ любилъ мать. Изъ-за одного ея слова онъ готовъ былъ отказаться

Рис. 2. С. Я. Надсонъ и его сестра.

отъ какого угодно удовольствія. Отца Сеня не помнилъ: онъ умеръ два года назадъ; мать, Антонина Степановна, кое-какъ перебивалась, содержа своими трудами двухъ дѣтей. Жилось, правда, небогато, но зато дружно. А какъ уютно было въ ихъ маленькомъ флигелькѣ! Окна тонули въ вѣтвяхъ цвѣтущей герани и фуксій; занавѣски всегда были аккуратно разглажены; неуклюжая старинная мебель тщательно вытерта; на низкой лежанкѣ дремалъ неизмѣнно старый котъ. И надъ всѣмъ царила рука доброй любящей матери.

Время пролетѣло незамѣтно: приближался часъ обѣда, а тамъ, глядишь, подкрадывался и вечеръ. Солнце медленно уходило на покой, и мальчикъ долго любовался закатомъ, сидя на ступенькахъ крылечка.

— Пора спать, мой милый,— говорила Антонина Степановна.

Мальчикъ вставалъ и покорно шелъ за нею, покорно давалъ себя раздѣть... Нюша уже сладко спала, разметавшись по подушкѣ... Сеня становился на колѣни и шепталъ за мамой слова молитвы.

— Спокойной ночи!—говорила мать, крестя его въ послѣдній разъ.

Глаза Сени сладко щурились; губы складывались въ улыбку.

— Мама...— шепталъ онъ тихо,—я тебѣ...

— Что, мой мальчикъ?

— Ничего, ничего... это такъ... Иди!

И онъ не разболталъ о своемъ „сюрпризѣ".

Мать вышла. Лампадка слабо мерцала передъ образомъ Спасителя, освѣщая Его кроткій ликъ въ терновомъ вѣнцѣ; мальчикъ лежалъ, устремивъ глаза въ уголъ. Мало-по-малу всѣ вещи въ комнатѣ стали принимать какія-то особенныя формы. Длинныя тѣни потянулись, поползли отъ стула съ разложенной одеждой... точно выросъ огромный великанъ... Вотъ онъ машетъ руками, киваетъ головой... Сеня хочетъ приподняться, толкнуть призракъ... И глаза его не могутъ оторваться отъ видѣнія...

— Мама!—закричалъ онъ наконецъ...

Крикъ мальчика долетѣлъ до чуткаго слуха матери. Она прибѣжала, испуганно наклонилась надъ его кроваткой.

— Мама... не уходи... мнѣ показалось... посиди со мною...

Убаюканный ея ласковымъ шопотомъ, держа ея теплую тонкую руку, Сеня сладко засыпалъ...

На утро онъ проснулся чуть не съ зарею. На-цыпочкахъ, съ няниной азбукой въ рукахъ, Сеня подкрался къ постели матери. Притаивъ дыханіе, онъ заглянулъ черезъ подушки, не проснулась ли она, и страшно волновался. Ему такъ хотѣлось первому поздравить ее и хоть чѣмъ нибудь порадовать въ этотъ день. Мать открыла глаза и увидѣла взволнованное личико мальчика. Онъ радостно бросился къ ней, поздравлялъ и протягивалъ впередъ букварикъ.

— А я научился читать, мама!

Въ голосѣ Сени звучало такое торжество, такая безконечная радость и любовь къ матери! И тоненькимъ голоскомъ выводилъ мальчикъ слово за словомъ.

Проходили недѣли и мѣсяцы. Нужда заставила Антонину Степановну взять мѣсто учительницы и экономки въ подгородномъ имѣніи однихъ знакомыхъ. И вотъ Сеня попалъ на свободу деревенскихъ полей. Какъ славно было бродить по старому запущенному саду! Высоко къ небу уходили верхушки пирамидальныхъ тополей; при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка листочки дубовъ и березъ сладко трепетали... Грустно склонились къ зеркальной поверхности пруда гибкія ивы...

Сеня бѣгалъ по узкимъ дорожкамъ сада, жадно вдыхалъ ароматъ цвѣтущаго шиповника и жасмина... Пробираясь сквозь густой кустарникъ, обвитый гибкимъ хмелемъ, онъ задумчиво спускался въ маленькій овражекъ... Кругомъ тянулось зеленое море глухой крапивы... Легкій вѣтерокъ трепетно пробѣгалъ по травѣ, и она качалась изъ стороны въ сторону... Мальчикъ смотрѣлъ на нее широко раскрытыми глазами...

Ему казалось, что крапива растетъ, поднимается высоко кверху, принимаетъ самыя причудливыя формы... Да это люди, это цѣлое войско... И, врѣзавшись въ самую середину крапивы, Сеня отважно рубилъ полчище татаръ деревянною саблей... Крапива жгла ему руки, оставляя бѣлые пузыри, но зато падала у его ногъ, истерзанная, побѣжденная, съ переломанными стеблями... Поле битвы дѣлалось все шире... Наконецъ, совершенно обезсиленный, мальчикъ выбирался изъ оврага и бросался въ густую траву на берегу пруда...

Изъ-за кустовъ долеталъ до Сени веселый смѣхъ Нюши и топотъ дѣтскихъ ногъ по дорожкѣ сада. Сестренка играла въ пятнашки съ дочерью владѣльца усадьбы. На минуту изъ-за зелени выглянуло ея личико и скрылось за деревьями... Шаги и смѣхъ затихли. Мальчикъ нарочно притаился... Онъ все лежалъ въ травѣ и задумчиво смотрѣлъ на серебряную гладь пруда, въ которомъ искрилось горячее южное солнце и качался лазурный куполъ неба... Потомъ, закинувъ голову, Сеня заглядывался вверхъ, какъ распускались и улетали куда-то тонкія паутинки облаковъ... Онъ жмурился отъ солнца и лѣниво прислушивался къ металлически-звонкому однообразному кваканью лягушекъ и трескотнѣ кузнечиковъ... Ему было такъ чудно хорошо!

А въ травѣ все жило своей собственной жизнью. Огромный муравей карабкался по стебельку стройнаго колокольчика, и Сеня старался вообразить себя муравьемъ. Онъ слѣдилъ съ замираніемъ сердца за усиліями этого муравья сдвинуть кусочекъ гнилушки... Крошечные пригорки казались Сенѣ-муравью высокими горами... Кустъ репейника—злымъ великаномъ... Онъ вздрагивалъ; сердце начало биться, и долго еще не

могъ мальчикъ прійти въ себя и вернуться изъ міра грезъ къ дѣйствительности.

Вотъ какъ впослѣдствіи ему вспоминались его деревенскія впечатлѣнія:

ВЪ ТИХОЙ ПРИСТАНИ.

Вотъ нашъ старый съ колоннами сѣренькій домъ,
Съ красной крышей, съ массивнымъ балкономъ.
Темный садъ на просторѣ разросся кругомъ,
И поля, утопая во мракѣ ночномъ,
Съ отдаленнымъ слились небосклономъ.
По полямъ, извиваясь блестящей струей,
Льется рѣчка студеной волною,
И бесѣдка, одѣтая сочной листвой,
Наклонясь надъ лазурной ея глубиной,
Отражается гладью рѣчною.

Тихо шепчетъ струя про любовь и покой
И, во мракѣ звеня, замираетъ,
И душистый цвѣтокъ, надъ кристальной струей
Наклонившись лукавой своей головой,
Нѣжнымъ звукамъ въ раздумьѣ внимаетъ.

Въ долгіе осенніе и зимніе вечера забирался Сеня вмѣстѣ съ дѣвочками въ залу и усаживался съ ногами на диванъ. Въ печкѣ пылалъ огонь и причудливымъ свѣтомъ озарялъ головки дѣтей. Всѣ трое плотно прижимались другъ къ другу. Сеня замирающимъ шопотомъ разсказывалъ сказку, слышанную отъ няни. Дѣвочки слушали, затаивъ дыханіе. Глядя на нихъ, и самъ разсказчикъ начиналъ волноваться. Сердце сжималось какъ-то и больно, и сладко, а таинственный сумракъ рисовалъ затѣйливые образы сказокъ... Глаза мальчика раскрывались шире, шопотъ дѣлался тише... Вдругъ Сеня замолкалъ и задумывался.

— Ну, что же дальше? — спрашивали дѣвочки.

Сеня удивленно смотрѣлъ на нихъ. Онъ уже забылъ конецъ сказки. Мысли его летали такъ далеко; въ головѣ складывались новыя картины.

— Конецъ, — говорилъ онъ и поднимался съ дивана на встрѣчу входящей матери.

Онъ шелъ за нею въ столовую, гдѣ уже горѣла лампа. Тамъ доставалъ онъ свою любимую „игрушку-музыку" и постукивалъ по ней молоточкомъ, подбирая незатѣйливые мотивы.

Иногда Сеня собиралъ около себя въ столовой дѣвочекъ; влѣзалъ на столъ и, опершись на локти, читалъ имъ вслухъ. Дѣвочки внимательно слушали, мастеря кукламъ платья.

Сеня страстно полюбилъ чтеніе. Еще совсѣмъ маленькимъ онъ хваталъ все, что попадало ему подъ руки, и съ трудомъ перечитывалъ страницу за страницей. Здѣсь были и волшебныя сказки, и стихи Пушкина, и путешествія, и повѣсти для взрослыхъ. Начавъ книгу, мальчикъ уже не могъ оторваться отъ нея.

Ему минуло семь лѣтъ. Какъ, почему, — Сеня не помнилъ, но Антонина Степановна разошлась съ семьею, въ которой жила, и рѣшила уѣхать. Сеня игралъ въ дѣтской, когда она вошла и положила руку ему на плечо, собираясь что то сказать. Лицо ея было взволновано, глаза влажны.

— Ты плакала, мамочка? — тревожно спросилъ мальчикъ.

— Ничего, Сеня, голубчикъ... взгрустнулось немножко. Только ты теперь не плачь и сдѣлай, какъ проситъ мама. Собирай свои книги, игрушки. Завтра мы уѣдемъ отсюда.

Сеня смотрѣлъ на нее, удивленно раскрывъ темные глаза.

— Куда, мамочка?

— Совсѣмъ уѣзжаемъ, родной... въ Петербургъ, къ дядѣ...

Мальчикъ задумался. Ему было страшно ѣхать въ незнакомый Петербургъ, жалко оставлять любимый садъ и домъ, гдѣ ему такъ славно жилось. И Сеня тихо заплакалъ.

— Перестань же, не огорчай меня...— нѣжно говорила мать и гладила его непослушные кудри,— вѣдь ты будешь тамъ со мною... мнѣ больно видѣть твои слезы...

Ея голосъ, какъ нѣжная музыка, сладко отдавался въ сердцѣ мальчика... Онъ отеръ глаза и кротко сказалъ:

— Ну, вотъ! Не сердись, мамочка, я не буду.

И сейчасъ же покорно сталъ собирать свои вещи, готовясь къ отъѣзду.

По пріѣздѣ въ Петербургъ Сеню отдали въ приготовительный классъ классической гимназіи. Впечатлѣнія смѣнялись одно другимъ; мелькали новыя лица: дяди, тетки, двоюродные сестры и братья... Сеня прекрасно учился въ гимназіи. Чтеніе и уроки занимали у него теперь почти все время. А Антонина Степановна, всегда хрупкая, болѣзненная, стала теперь особенно часто прихварывать. Незамѣтно у нея открылась чахотка... Она недолго жила у своего брата Діодора. Вскорѣ Антонина Степановна объявила, что выходитъ замужъ. Она познакомила Сеню и Нюшу съ Николаемъ Гавриловичемъ Ѳоминымъ, который долженъ былъ замѣнить имъ отца. Ѳоминъ приласкалъ дѣтей и, чтобы ближе съ ними сойтись, свелъ ихъ на балаганы.

— Я прошу тебя, Сеня, голубчикъ,—говорила мать серьезно и ласково,— будь добрымъ... постарайся полюбить его... онъ всей душой хочетъ тебѣ и Нюшѣ добра...

И Сеня, взглянувъ на ея молящіе глаза, далъ себѣ слово быть какъ можно ласковѣе съ этимъ господиномъ. Ѳоминъ водилъ дѣтей между навѣсами балагановъ, каталъ на каруселяхъ...

Нагруженныя сластями, дѣти возвратились съ Ѳоминымъ домой, но все еще чувствовали себя съ нимъ не совсѣмъ свободно.

Антонина Степановна обвѣнчалась и, взявъ дѣтей, уѣхала съ ними въ Кіевъ. Сеня былъ радъ: при воспоминаніи о Кіевѣ воображеніе рисовало ему столько свѣтлыхъ картинъ! Опять онъ увидитъ знакомыя мѣста, будетъ гулять на свободѣ; опять заживутъ они въ своемъ собственномъ домикѣ...

Въ Кіевѣ Сеня всѣ дни проводилъ втроемъ съ матерью и сестренкой; отчимъ гдѣ-то служилъ и пріѣзжалъ къ семьѣ только по субботамъ. Мальчикъ продолжалъ усердно учиться и поглощать книжку за книжкой. Книга сопровождала его всюду: не прочтя чего нибудь на ночь, онъ не могъ заснуть. Когда утомленные глаза начинали слипаться отъ сна, Сеня совалъ книжку подъ подушку, и утромъ она дѣлалась его вѣрною спутницей.

А время шло, и вотъ страшная гроза обрушилась на маленькую семью. Николай Гавриловичъ умеръ...

Сеня въ первый разъ столкнулся съ суровой жизненной невзгодой. Онъ видѣлъ, какъ плакала по ночамъ бѣдная мать, ломая голову надъ мыслью, чѣмъ прокормить дѣтей, слышалъ по ночамъ ея глухой удушливый кашель... А на утро на щекахъ ея виднѣлись два ярко-красныхъ пятна... Тяжелая нужда подтачивала и безъ того слабое ея здоровье... Жить было нечѣмъ... И опять, собравъ своихъ горемычныхъ дѣтей, она отправилась въ Петербургъ...

II.

Петербургъ. Поступленіе въ военную гимназію. Смерть матери.

Снова Сеня очутился въ сѣрой непривѣтной столицѣ. Онъ увидѣлъ чуждую обстановку барскаго дома дяди, Ильи Степановича Мамонтова. Сановный дядя едва взглянулъ на пріѣхавшихъ племянниковъ. Тетка, свѣтская дама, процѣдила сквозь зубы нѣсколько незначительныхъ фразъ... Каждый членъ семьи здѣсь жилъ своею собственною жизнью, мало интересуясь, что думаютъ и дѣлаютъ другіе.

Антонина Степановна поступила учительницей въ школу сестры своей Лидіи Степановны. На этотъ заработокъ она содержала дѣтей. А болѣзнь все сильнѣе подтачивала ея жизнь. Съ тревогой вглядывался Сеня въ прекрасное, теперь осунувшееся лицо, въ горѣвшіе лихорадочнымъ блескомъ глаза. Но мать цѣпко хваталась за обломки жизни; она хотѣла служить дѣтямъ, пока останется хоть капля силъ.

Теперь Сенѣ меньше приходилось быть съ матерью. Она была послѣ уроковъ такая усталая,

разбитая. Куда дѣвались прежнія задушевныя бесѣды, ласковый, милый смѣхъ? Горькое чувство одиночества и тоски охватывало душу мальчика; что-то волною подступало къ его горлу... Упавъ на подоконникъ, Сеня беззвучно-неудержимо плакалъ.

Эти воспоминанія вылились у него въ стихотвореніи, нѣсколько лѣтъ спустя:

Сквозь мглу прошедшаго встаетъ передо мною
Туманный образъ твой... Ты рано умерла.
Ты умерла еще прекрасной, молодою,
Но ужъ измученной трудомъ и нищетою,
Не вѣруя въ добро и не осиливъ зла.
Подъ голосъ клеветы, подъ шопотъ осужденья,
Работница, въ кругу чужихъ тебѣ людей,
Перестрадала ты послѣднія мгновенья,
Томясь предчувствіемъ за насъ, твоихъ дѣтей.
Ты горько плакала, ты настрадалась вволю,
Униженно за насъ моля ихъ, какъ раба,—
Но тщетно было все, и пала намъ на долю
Такая жъ, какъ тебѣ, суровая судьба!..

Сенѣ неожиданно объявили, что онъ поступаетъ во вторую военную гимназію *). Онъ весь затрепеталъ отъ нахлынувшей душевной боли.

— Мама... за что?—прошепталъ онъ,—подумай: вѣдь ты же сама пугала меня военной гимназіей, когда я тебя не слушался...

Слезы брызнули изъ глазъ мальчика. Онъ выбѣжалъ изъ комнаты. Давно долетали до Сени слухи о поступленіи въ гимназію, но все както не вѣрилось. Роковая вѣсть поразила его. Онъ ходилъ блѣдный, какъ будто приговоренный къ смерти.

*) Теперь второй кадетскій корпусъ.

Завтра Сеню отправятъ въ гимназію. Завтра за обѣдомъ онъ уже не увидитъ дорогого лица матери... Онъ легъ въ постель, перекрестился, чтобы было легче, но заснуть не могъ. Въ ком-

Рис. 3. Мать поэта.

нату вошла мать. Тихо подошла она къ постели мальчика и опустилась на край ея въ ногахъ, нагнулась, провела рукою по его мокрымъ рѣсницамъ.

— Ты плачешь, Сеня?

Мальчикъ, задыхаясь отъ слезъ, ловилъ ея руки.

— Я буду часто ѣздить къ тебѣ, какъ позволятъ мнѣ силы...— снова слышался тихій шопотъ матери,— а въ праздники буду брать тебя домой... Ахъ, вѣдь я же не хотѣла тебя отдавать! Но ты видишь... въ послѣднее время я все хвораю... силъ мало... работать не могу... А тебѣ нужно быть образованнымъ человѣкомъ... тебя принимаютъ на казенный счетъ... Сеня, мальчикъ мой бѣдный! Что же дѣлать, если такъ сложилась жизнь? Видишь, и я плачу...

Она отерла слезы.

— Перестань горевать,—продолжала мать,— Богъ дастъ, все перемѣнится. Ахъ, отчего я не могу работать! Учись хорошо, мой милый... Какое счастье будетъ, когда ты кончишь! Мы снова заживемъ вмѣстѣ, какъ прежде... Вѣдь ты обѣщаешь мнѣ, своей мамѣ, своему другу, хорошо учиться... и... покориться, Сеня?

Онъ поднялся на постели, весь дрожащій, со сверкающими глазами.

— Да, мама...—сказалъ кротко мальчикъ и припалъ къ ея груди.

А на другой день его увезли въ гимназію.

Непривѣтливо встрѣтили Сеню казенныя стѣны; непривѣтливо косились на новичка товарищи. Хилый, слабый и конфузливый, какъ дѣвочка, онъ имъ казался смѣшнымъ. Въ часы рекреацій Сеня робко сторонился отъ шумящихъ и дерущихся мальчиковъ и забивался съ книгой въ уголокъ. Товарищи продолжали насмѣхаться надъ новенькимъ и всячески „задѣвать“ его. Самолюбіе Сени страшно страдало. Блѣдный, какъ смерть, онъ сжималъ зубы, боясь расплакаться, чтобы его еще больше не подняли на смѣхъ.

Тяжело было выносить мягкому, привыкшему къ нѣжной ласкѣ ребенку и суровыя школьныя правила. Весь мучительно-длинный день приходилось ему быть на глазахъ у чужихъ людей, и не могъ онъ даже поплакать на свободѣ. Только ночью, когда всѣ засыпали, и въ огромной полутемной комнатѣ раздавалось ровное дыханіе товарищей, Сеня весь отдавался своему горю. Онъ горько тогда рыдалъ, уткнувшись лицомъ въ жесткую казенную подушку...

По субботамъ Сеню брали къ дядѣ. Ему казалось тогда, что дорога отъ гимназіи до дому какъ-то непомѣрно вытянулась, что двери слишкомъ долго не отпираютъ. Съ раскраснѣвшимся отъ радости лицомъ бросался онъ къ матери, и разсказамъ не было конца! Сенѣ казалось, что часы бѣгутъ слишкомъ скоро; каждая минута приближала его къ разлукѣ съ матерью. Проходила суббота, наступало воскресное утро, а за нимъ и вечеръ. Надо было снова отправляться въ гимназію.

Опять приходила минута прощанья. Сеня твердо давалъ себѣ слово быть мужественнымъ. Но воспоминаніе о безконечно длинной недѣлѣ въ непріютныхъ стѣнахъ наполняло его сердце ужасомъ и страданіемъ. Повиснувъ на шеѣ матери, онъ весь дрожалъ отъ судорожныхъ рыданій.

— Скорѣе, Сеня,—торопила тетка,—вѣдь ты опоздаешь...

Но Сеня все еще не могъ подняться.

Тогда его силою отрывали отъ груди матери, силою тащили на извозчика. Лошадь трогалась, увозя мальчика съ раскраснѣвшимся, мокрымъ отъ слезъ лицомъ...

Сцены прощанья разбирались на семейномъ совѣтѣ. Послѣ каждаго такого прощанья Анто-

нинѣ Степановнѣ отъ волненія дѣлалось совсѣмъ нехорошо.

Въ одно изъ воскресеній Сенѣ дали пораньше пообѣдать и, не допустивъ проститься съ матерью, хотѣли увезти въ гимназію.

Когда Сеня это узналъ, онъ вскочилъ, блѣднѣе смерти.

— Мама!—отчаянно закричалъ онъ и бросился ее искать.

Мальчикъ бѣгалъ по всѣмъ комнатамъ; сердце его страшно билось, ноги подкашивались... Вотъ онъ остановился передъ запертой дверью и, задыхаясь отъ слезъ, принялся громко стучать въ нее... Слабыми своими руками онъ хотѣлъ выломать дверь и добраться до той, которая была для него дороже всего въ мірѣ.

— Мамочка! Гдѣ ты?—кричалъ онъ раздирающимъ душу голосомъ. Но отвѣта не было. Мать дала слово не выходить.

Въ отчаяніи Сеня бросился назадъ, перелетѣлъ черезъ амфиладу комнатъ въ столовую и схватилъ первый попавшійся ножъ... Онъ не помнилъ, что дѣлаетъ, и безумно поднесъ его къ шеѣ. Сзади кто-то сильной рукой удержалъ мальчика. Дядя выхватилъ ножъ и осыпалъ Сеню упреками. Сеня, блѣдный, съ лихорадочно блестѣвшими глазами, дрожалъ мелкою дрожью... По щекамъ его текли слезы... Вдругъ къ нему нагнулось знакомое лицо съ прекрасными лучистыми глазами... Онъ весь просвѣтлѣлъ и бросился къ матери, ловя ея руки въ горячемъ порывѣ.

— Ты опять взволновался,—шептали ея губы,— ты весь дрожишь. Ну, я съ тобой, милый, хорошій, успокойся...

И ласкамъ ея, казалось, не будетъ конца.

Зимою Сеня заболѣлъ корью. Болѣзнь лишила его желанныхъ отпусковъ.

Онъ лежалъ въ лазаретѣ, закрывъ глаза, въ тяжелой полудремотѣ. Голова его болѣла, въ виски стучало, по тѣлу пробѣгали мурашки. А грудь ныла какимъ-то больнымъ, тяжелымъ чувствомъ.

По временамъ мальчикъ открывалъ глаза и вглядывался въ окружающіе его предметы. Кругомъ были все тѣ же казенныя стѣны, непривѣтныя, холодныя, тѣ же казенныя койки, казенное бѣлье на кроватяхъ, непривѣтливо-хмурые товарищи. На глаза Сени набѣгали жгучія слезы. Ахъ, отчего онъ не дома, отчего онъ одинъ, заброшенный, затерянный среди чужихъ людей?..

Вдругъ дверь отворилась, послышался шорохъ шаговъ и шумящаго платья, и надъ постелью мальчика кто-то нагнулся... Сеня съ трудомъ поднялъ вѣки и радостно вскрикнулъ:

— Мама! Дорогая!

И въ сладкомъ восторгѣ онъ протянулъ впередъ руки, не вѣря своему счастью и думая, что это только сонъ.

Но сонъ не проходилъ... Мать наклонилась къ Сенѣ съ тихою грустною улыбкой и ощупывала его горячую голову.

— Мама... ты... ты...

Сеня припалъ къ ея рукамъ и затихъ въ какомъ-то страстномъ порывѣ...

— Я узнала, что ты боленъ, — прозвучалъ опять милый голосъ,—и пришла. Тебѣ лучше?

О, какое это было безконечное счастье!

— Такъ ты не уйдешь отъ меня, мамочка?

— Нѣтъ, родной, только не надо волноваться... тебѣ вредно.

Мать усѣлась у его изголовья и заботливо поправила смятыя подушки. Какъ она боялась за

Сеню! Ему вредно волноваться... А ей? На впалыхъ щекахъ ея сегодня какъ-то особенно ярко горѣли два пятна; большіе глаза лихорадочно блестѣли. Ей было очень нехорошо. Сеня не зналъ, какого страшнаго труда стоило ей добраться до него! На дворѣ стоялъ сильный морозъ. Въ плохенькомъ старомъ салопчикѣ пришла она къ своему сыну... Вѣтеръ продувалъ ее насквозь черезъ тонкій слой ваты; лихорадка мучительно знобила тѣло, а она все упорно шла къ знакомому дому, гдѣ одиноко лежалъ ея больной ребенокъ... Гордой, самолюбивой, ей и въ голову не пришло попросить у богатыхъ родственниковъ теплаго платья.

Закрывъ глаза, Сеня крѣпко сжималъ руку матери. Сладкая истома разливалась по всему его тѣлу... Вотъ нахлынула тихая дремота... Боже мой, какъ стало вдругъ хорошо, тепло и отрадно! Сладкія грезы унесли его далеко... Вотъ онъ, маленькій флигелечекъ, съ цвѣтами на окнахъ... вотъ уютная спаленка... на столѣ слабо горитъ ночникъ...

— Мама, ты не уйдешь?—шепчутъ въ дремотѣ его губы.

— Не уйду, голубчикъ! — также шопотомъ отвѣчаетъ мать и наклоняется ближе.

Снова нахлынули сладкія грезы...

Антонина Степановна хотѣла подняться. Ее душилъ кашель. Она попробовала освободить свою руку,но Сеня проснулся и тревожно спросилъ:

— Что это? ты... ты вѣдь сама больна!

Мальчикъ чувствуетъ, какъ горяча и дрожитъ ея рука... Она уже не можетъ сдержать припадка страшнаго кашля и подноситъ платокъ къ губамъ. На немъ осталось кровавое пятно... Мать прячетъ платокъ, но Сеня все видѣлъ.

— Мама, кровь?—съ ужасомъ шепчетъ мальчикъ и приподнимается на подушкахъ. Голова его кружится, и онъ падаетъ снова.

— Ничего, мой родной, это, право же, пройдетъ...

Мать силится улыбнуться, но Сеня уже не можетъ успокоиться: его томитъ гнетущій страхъ за мать...

Мальчику стало хуже... Мать старается удержать кашель, надрывающій ей грудь... Она не можетъ отойти отъ кровати больного. При малѣйшемъ ея движеніи онъ открываетъ глаза и пугливо спрашиваетъ:

— Ты уже уходишь?

И мать сидитъ далеко за полночь, вымоливъ у гимназическаго начальства разрѣшеніе.

Такъ засиживалась она у постели Сени въ теченіе нѣсколькихъ дней... Во всякую погоду можно было видѣть ея стройную фигуру, пробиравшуюся къ знакомому зданію. Наконецъ, силы не выдержали, и бѣдная женщина свалилась сама... Сеня выздоровѣлъ, а она умирала...

Какъ мучительно ей хотѣлось теперь, чтобы ея ненаглядный мальчикъ сидѣлъ здѣсь, у ея изголовья... Предлагали ей извѣстить Сеню.

— Нѣтъ, не надо,—грустно, но настойчиво говорила больная,—я не хочу, чтобы онъ волновался!

Злая чахотка быстро уносила ея послѣднія силы. Конецъ наступилъ скоро... И вотъ лежала она въ предсмертной агоніи... Кругомъ были почти все чужіе холодные люди, не любившіе и не понимавшіе ея... А ея дорогого мальчика не было... не могла бѣдная мать съ нимъ даже проститься...

Въ гимназію пришла тяжелая вѣсть о смерти Антонины Степановны... Не помня себя отъ горя,

Сеня полетѣлъ домой... Онъ засталъ мать уже на столѣ. Строго, торжественно было теперь скорбное лицо; плотно сжаты страдальческія губы... Какимъ холодомъ повѣяло отъ этого лица на мальчика! Онъ молча, безъ слезъ, приникъ къ холодной мраморной рукѣ...

Потомъ были похороны. Сеня и тогда не заплакалъ. Свѣчи озаряли строгое лицо покойницы; священникъ печально читалъ молитвы; хоръ пѣлъ „со святыми упокой". У гроба плакала сестренка въ своемъ траурномъ платьицѣ... Но Сеня молча, какъ окаменѣлый, смотрѣлъ на застывшее лицо покойницы, окруженное душистыми цвѣтами. Пришли люди, заколотили гробъ и стали выносить изъ церкви... Теперь уже Сеня не увидитъ ея мраморнаго лица... Опустивъ голову, едва передвигая ноги, онъ шелъ за гробомъ...

Вотъ кладбище. Гробъ опустили въ яму, набросали земли... Выросъ свѣжій холмикъ и спряталъ страдалицу навсегда. Сеня вернулся домой шатаясь, прошелъ въ самый темный уголъ, гдѣ его никто бы не видѣлъ, и далъ волю нахлынувшимъ слезамъ.

Чувство къ матери на всю жизнь осталось у него глубокимъ и выразилось въ цѣломъ рядѣ яркихъ, задушевныхъ стихотвореній, посвященныхъ матери:

СТАРАЯ СКАЗКА.

Глухо стонетъ вьюга, — стонетъ и рыдаетъ,
И въ окно стучитъ костлявою рукой...
Жгучій страхъ мнѣ сердце дѣтское сжимаетъ:
„Мама, дорогая, сядь, побудь со мной!"
И она прильнула нѣжно къ изголовью,
Нѣжно лобъ мой гладитъ, въ очи мнѣ глядитъ,
И подъ голосъ вьюги лаской и любовью,

Грустью и заботой рѣчь ея звучитъ...
Какъ она прекрасна! Въ трепетномъ сіяньи
Ночника она склонилась надо мной,
Точно свѣтлый ангелъ въ бѣломъ одѣяньи,
Только легкихъ крыльевъ нѣту за спиной!..
Что-то безконечно кроткое сіяетъ
Въ безконечно милыхъ, дорогихъ чертахъ,
И горитъ въ улыбкѣ, и въ очахъ ласкаетъ,
И звенитъ, чаруя, въ сдержанныхъ рѣчахъ.
Только отчего-жъ такъ грустны эти глазки?
Отчего дрожитъ и холодна рука?
Отчего въ словахъ старинной этой сказки
Слышится такая правда и тоска?
„Мама, что съ тобой?“ Но мама заглушаетъ
Мой вопросъ тревожный ласкою своей...
И такъ близко-близко надо мной сіяетъ,
И такъ чудно нѣженъ взоръ ея очей!...
Дѣтскій умъ недолго мучится сомнѣньемъ,
Сказка расцвѣтаетъ, искрится, растетъ, —
И я всей душой и всѣмъ воображеньемъ
Унесенъ въ тотъ міръ, куда она зоветъ!

. . . .

Снова стонетъ вьюга, стонетъ и рыдаетъ,
И въ окно стучитъ костлявою рукой,
И ночникъ невѣрнымъ свѣтомъ озаряетъ
Блѣдный ликъ, склоненный нѣжно надо мной...
И звенитъ мнѣ голосъ: „Въ долгой, въ горькой жизни
Много встрѣтитъ спящихъ твой усталый взглядъ,
Не клейми-жъ ихъ словомъ ѣдкой укоризны,
Полюби ихъ, милый, полюби, какъ братъ!
Позабывъ себя и не боясь глумленья,
Протяни имъ руку и впередъ зови, —
И блеснетъ во мглѣ имъ счастье обновленья,
И поймешь ты счастье братства и любви!...“

———

Росъ одиноко я... Меня не ограждала
Отъ раннихъ грозъ и бурь заботливость семьи,
Мать за меня колѣнъ въ молитвѣ не склоняла,
И няня передъ сномъ мнѣ кротко не шептала,
Крестя чело мое, горячихъ словъ любви...

. . . .

И помню церковь я, залитую огнями,
И помню мать мою. Съ безжизненнымъ челомъ,
Съ устами блѣдными и впавшими очами,
Мать спитъ въ гробу своемъ, увитая цвѣтами,
А мы стоимъ вокругъ въ молчанiи нѣмомъ.
Сестренку за руку я крѣпко взялъ рукою....
Отъ траура вдвойнѣ печальна и блѣдна,
Ко мнѣ довѣрчиво прижалася она
И смотритъ на меня съ недѣтскою тоскою.
Намъ страшно... Намъ страшна и эта тишина,
И мрачныя, въ углахъ сгустившiяся тѣни,
И ризы черныя, и черныя ступени,
И мать въ своемъ гробу, нѣма и холодна...
Намъ хочется туда — на воздухъ, гдѣ, синѣя,
Раскинутъ небосклонъ и рѣютъ облака,
Гдѣ такъ грустна въ саду душистая аллея,
Такъ прихотливъ узоръ на крыльяхъ мотылька...
Гдѣ вкругъ черемухи опавшими цвѣтами,
Какъ снѣгомъ утреннимъ, осыпана земля,
И вдаль поля бѣгутъ, и даль слилась съ полями,
И всѣ въ цвѣтахъ они, нарядныя поля,
Но мы бѣжать туда не смѣемъ и, не зная,
Къ чему мы здѣсь, въ толпѣ суровой и чужой,
Внимаемъ мы, какъ хоръ, гремя и угасая
Торжественно звучитъ послѣднею мольбой...
И сердце сжалось въ насъ, мы плачемъ, и впервые
Такъ трудно вѣрить намъ, такъ больно намъ сознать,
Что мы для всѣхъ вокругъ — ненужные, чужiе,
И ты — ты не придешь опять насъ приласкать!

. . . .

И вотъ мы въ городѣ... Прощай на много лѣтъ,
Родной глуши моей приволье и свобода!
Какъ скупо солнце здѣсь струитъ минутный свѣтъ,
Какъ здѣсь блѣдна она, печальная природа!
Жизнь по чужимъ угламъ, подачки свысока,
Неволя школьная, осмѣянныя слезы,
И одиночество, боль сердца и тоска,
И грезы, странныя, болѣзненныя грезы...

III.

Гимназическая жизнь.

Со смертью матери Сеня пересталъ нетерпѣливо рваться въ отпускъ. Все, что напоминало ему уютность семьи, теперь исчезло. Даже сестру онъ видѣлъ не особенно часто. Нюшу отдали въ Николаевскій сиротскій институтъ, и мальчикъ могъ навѣщать ее только по праздникамъ, въ опредѣленное время. Да и какія это были свиданія! Развѣ свѣтилась въ нихъ хоть искра той свободной сердечной ласки, которой такъ хотѣлось ему? У Нюши находилъ онъ тѣ же казенныя стѣны, казенную мебель, чинно вытянутыхъ, благонравныхъ дѣвочекъ со сложенными на колѣняхъ руками... Разговоръ велся въ полголоса, на глазахъ у всѣхъ... Ни одного завѣтнаго слова... Проходили натянутые пріемные часы, раздавался обычный звонокъ... И Сеня поднимался съ мѣста съ душою, полною невыплаканнаго горя и недосказанныхъ словъ...

Возвращаясь въ семью дяди, онъ встрѣчалъ тамъ тотъ же холодъ, то же неприступно-равнодушное къ себѣ отношеніе. А гимназія? Попреж-

нему мрачно и уныло смотрѣли ея стѣны, попрежнему чуждъ былъ Сенѣ кругъ товарищей.

Онъ не могъ съ ними сойтись, потому что былъ развитѣе ихъ; его дѣтская горячая головка слишкомъ рано начала задумываться надъ тѣми вещами, которыя даже не приходили имъ на умъ. Каждая мелочь школьной жизни замѣчалась имъ. Видѣлъ ли Сеня, что одинъ товарищъ поссорился съ другимъ, или что лицо у такого-то грустное; замѣчалъ ли онъ, что ему нравится такая-то книга, а другую вотъ совсѣмъ не хочется читать,—Сеня сейчасъ же задавалъ себѣ вопросъ: „отчего?“ Болѣзненно чуткій и нѣжный, онъ прислушивался къ малѣйшему движенію своей души и во всемъ искалъ причины. Въ спорахъ класса Сеня всегда принималъ правую сторону, и если она оказывалась побѣжденной, горячо вступался за обиженныхъ. Какъ часто бѣдный мальчикъ платился за это! Заступаясь за товарища, никогда не думалъ онъ о своей слабости. Блѣдный, съ горящими глазами, бросался онъ въ самую средину дерущихся, заступаясь за того, кого били. Надъ нимъ смѣялись, говорили, что онъ хочетъ показать свое „благородство“, называли его „рыцаремъ“... Сеня выходилъ съ поля битвы съ синяками на лицѣ, совершенно избитый, а разъ ему даже вывихнули ногу, и онъ порядочно пролежалъ въ лазаретѣ... Школьники часто бываютъ жестоки, не понимая этого. Сеня всею душою любилъ правду, человѣчность... Грубая жестокость, ложь и несправедливость возмущали его... Но товарищи не понимали Сени; они называли его „размазней“, „дѣвчонкой“... Бѣдный маленькій рыцарь!

Въ гимназіи между воспитанниками установился скверный обычай устраивать учителямъ и воспитателямъ такъ называемые „бенефисы“: не взлюбивъ за что нибудь воспитателя, мальчики начинали отвратительно себя вести и устраивали надъ нелюбимымъ наставникомъ самыя безобразныя, а иногда и злыя шутки. Часто, слыша обсужденія „бенефиса“, возмущенный Сеня налеталъ на товарищей:

— Это гадко! Это нечестно!—горячился онъ, чуть не плача.

Сеня кричалъ, доказывалъ до хрипоты въ горлѣ, но надъ нимъ только смѣялись, закидывали за обѣдомъ хлѣбными шариками и грозили избить.

— Что-жъ, я знаю, они исполнятъ свою угрозу, — думалъ мальчикъ, — но я не боюсь, я смѣло буду говорить.

Его возмущало отсутствіе честности между товарищами.

— Дать честное слово учителю и не сдержать его, — съ тоскою думалъ мальчикъ, — считается не только не проступкомъ, но чуть ли не подвигомъ.

Кадеты продолжали сторониться отъ Сени, и самъ онъ держался особнякомъ. А сердце все искало ласки... Какъ онъ мечталъ объ идеальной братской дружбѣ! Какъ хотѣлось ему найти человѣка, за котораго можно было бы пойти въ огонь и въ воду! Но кругомъ только „стоглавое товарищество“ и ни одного близкаго лица...

И мальчикъ сталъ писать дневникъ. То, чего нельзя было высказать, ему хотѣлось повѣдать молчаливой тетрадкѣ и выплакаться надъ ней о своей сиротской долѣ.

Въ горькія минуты тоски и одиночества Сеня писалъ, склонившись надъ завѣтнымъ дневникомъ.

„О, счастливы тысячу разъ тѣ, кто имѣетъ мать, кого она можетъ успокоить святымъ словомъ любви... Холодно живется на этомъ свѣтѣ сиротѣ, котораго волнуютъ страшные вопросы... Два утѣшенія и успокоенія есть у меня въ подобныя минуты: читать и писать.“

Рис. 4. С. Я. Надсонъ въ военной гимназіи.

„По моему мнѣнію, дневникъ мнѣ необходимъ. Иногда меня вдругъ охватитъ чувство одиночества, хочется повѣрить кому-нибудь свои радости, свои печали, а вокругъ ни одного отдѣльнаго лица; есть только стоглавое товарищество...

„Вотъ и примешься въ эти тяжелыя минуты за дневникъ и плачешь иногда за нимъ. Впрочемъ,

слезы то теперь не встрѣчаются, а во 2-мъ классѣ нерѣдко онѣ бывали. Выйдешь на занятіяхъ изъ класса, прильнешь къ стѣнѣ и зальешься горячими, жгучими слезами."

А непослушныя слезы то и дѣло капали на бумагу. Другимъ утѣшеніемъ Сени были книги. Чего-чего только не перечиталъ мальчикъ! Книги онъ доставалъ черезъ одного изъ воспитателей въ семьѣ дяди, а иногда покупалъ ихъ у товарищей. Но денегъ у него было очень мало. Приходилось за пользованіе книгами уступать свою обѣденную порцію. И мальчикъ готовъ былъ голодать, лишь бы получить завѣтный томикъ. Скорѣе, покончивъ съ уроками, онъ уходилъ въ другой міръ, который открывала передъ нимъ желанная книга. Сердце его то сладко замирало, то усиленно билось; онъ жилъ и страдалъ вмѣстѣ съ героями. А когда надвигалась ночь, и въ спальнѣ дѣлалось совсѣмъ тихо, разстроенные нервы мальчика не выдерживали... Сеня судорожно плакалъ, зарывшись въ подушку, и страстно звалъ хоть на одну минуту свѣтлую тѣнь матери... Ему хотѣлось приласкаться къ ней, отдохнуть у нея на груди... И онъ засыпалъ, утомленный долгими слезами...

Прекрасно описывалъ онъ впослѣдствіи это настроеніе:

МАТЬ.

Тяжелое дѣтство мнѣ пало на долю:
Изъ прихоти взятый чужою семьей,
По темнымъ угламъ я наплакался вволю,
Извѣдавъ всю тяжесть подачки людской.
Меня окружало довольство... Лишеній
Не зналъ я, зато и любви я не зналъ,
И въ тихія ночи отрадныхъ моленій

Никто надъ кроваткой моей не шепталъ.
Я росъ одиноко; я росъ позабытымъ,
Пугливымъ ребенкомъ,—угрюмый, больной...

. . . .

. . . .

И стали слетать ко мнѣ свѣтлыя грезы,
И стали мнѣ дивныя рѣчи шептать,
И дѣтскія слезы, безвинныя слезы,
Съ рѣсницъ моихъ тихо крылами свѣвать!
Ночь... Въ комнатѣ душно... Сквозь шторы струится
Таинственный свѣтъ серебристой луны...
Я глубже стараюсь въ подушки зарыться,
А сны надо мной ужъ, завѣтные сны!
Чу! Шорохъ шаговъ и шумящаго платья...
Несмѣлые звуки слышнѣй и слышнѣй...
Вотъ нѣжное „здравствуй“, и чьи то объятья
Кольцомъ обвилися вкругъ шеи моей!
Ты здѣсь, ты со мной, о моя дорогая,
О милая мама! ты снова пришла...
Какіе-жъ дары изъ далекаго рая
Ты бѣдному сыну съ собой принесла?
Какъ въ прошлыя ночи взяла-ль ты съ собою
Съ луговъ его яркихъ, какъ день, мотыльковъ,
Изъ рѣкъ его рыбокъ съ цвѣтной чешуею,
Изъ темныхъ садовъ—ароматныхъ плодовъ?
Споешь ли ты райскія пѣсни мнѣ снова,
Разскажешь ли снова, какъ въ блескѣ лучей
И въ синихъ струяхъ фиміама святого
Тамъ носятся тѣни безгрѣшныхъ людей;
Какъ ангелы въ полночь на землю слетаютъ
И бродятъ вокругъ поселеній людскихъ,
И чистыя слезы молитвъ собираютъ
И нижутъ жемчужныя нити изъ нихъ?

. . . .

. . . .

. . . .

Скорѣй же, скорѣй!

И подъ тихія ласки,
Обвѣянъ блаженствомъ нахлынувшихъ грезъ,
Я сладко смыкалъ утомленные глазки,
Прильнувши къ подушкѣ, намокшей отъ слезъ!

Память у Сени была отличная: онъ легко схватывалъ то, что для многихъ казалось труднымъ. Любимыми предметами мальчика были словесность и исторія. Исторія его увлекала: отвѣчая учителю, онъ весь уходилъ въ старое, давно минувшее время. Передъ нимъ проходили, какъ живые, герои, ярко рисовалась ихъ жизнь. Сеня.. увлекался, начиналъ говорить, картинно рисуя подробности, но холодный взглядъ учителя сразу пробуждалъ мальчика. И, смѣшавшись, онъ сокращалъ разсказъ, боясь, что учитель назоветъ его слишкомъ растянутымъ. Математика давалась Сенѣ, наоборотъ, съ большимъ трудомъ.

Зато уроки русскаго языка были для него настоящими праздниками. Его сочиненія считались лучшими въ классѣ... Видя, какъ затрудняются неспособные товарищи, Сеня простодушно предлагалъ имъ помочь, и еще вчерашніе враги сегодня принимали его услуги. Эта незлобивость мальчика побѣдила враговъ. Кадеты поняли, наконецъ, что робкій, слабый рыцарь—добрый товарищъ. Насмѣшки ихъ стали преслѣдовать Сеню все рѣже; къ нему относились теперь съ большимъ довѣріемъ.

Но мальчикъ продолжалъ чувствовать себя одинокимъ, обособленнымъ; слишкомъ сильно въ немъ было чувство анализа, желаніе разбираться въ окружающемъ, чего не было въ его товарищахъ.

Онъ писалъ въ дневникѣ:

„У меня всѣ люди раздѣляются на двѣ половины: на людей живыхъ и на людей мертвыхъ.

Самое главное и отличительное свойство людей живыхъ—это любовь къ природѣ, способность восхищаться ею, познавать ея красоту и глубоко чувствовать превосходство надъ собою всего прекраснаго, высшаго. Къ моимъ живымъ людямъ я отношу художниковъ, писателей романовъ, народныхъ сказокъ, разсказовъ, повѣстей и иногда писателей для театра. Кромѣ того въ главѣ ихъ я ставлю поэтовъ, каковы напр. Гоголь, Пушкинъ, Лермонтовъ, Некрасовъ, Кольцовъ и Никитинъ . . . .

„Недавно я замѣтилъ, что есть люди, не принадлежащіе ни къ одному, ни къ другому разряду: Это такъ называемые мною средніе люди. Къ нимъ принадлежитъ большее число людей. Эти средніе люди могутъ сдѣлаться или живыми или мертвыми, смотря подъ какимъ вліяніемъ они находятся. Къ несчастью, эти средніе люди дѣлаются пошлецами и не приносятъ никакой пользы отечеству, ни умными и обдуманными стихами, ни прозой. Люблю пофилософствовать и помечтать—это моя страсть.“

У Сени были большія музыкальныя способности, и онъ страстно любилъ музыку. Его выбрали въ гимназіи обучаться игрѣ на скрипкѣ. Какимъ ликующимъ счастьемъ дышитъ страничка дневника, куда мальчикъ записалъ это важное событіе. Сеня мечталъ о тихомъ лѣтнемъ вечерѣ во время каникулъ, о катаніи на лодкѣ... Онъ будетъ играть на скрипкѣ, и нѣжные сладкіе звуки польются изъ-подъ его смычка, разносясь далеко въ сонной окрестности...

„Какое счастье! Вчера отъ радости даже писать не могъ! Меня выбрали играть на скрипкѣ. Вчера послѣ обѣда бралъ первый урокъ, а сегодняшнюю ночь мнѣ не спалось, и я сочинилъ

стихи „Ночь на озерѣ“. Попрошу Ал. Ѳ., учителя музыки, положить ихъ на музыку и выучить меня играть ихъ на скрипкѣ. То-то будетъ радость для меня! Я тогда въ деревнѣ, если случится намъ вечеромъ кататься на лодкѣ, возьму съ собой скрипку и буду играть и пѣть. Экія воздушныя мечты.“

Сеня дѣлалъ большіе успѣхи въ музыкѣ, и любовь къ скрипкѣ сохранилась у него на всю жизнь; онъ никогда не разставался съ этимъ инструментомъ, но кромѣ скрипки увлекался игрой и на другихъ инструментахъ,—игралъ хорошо, задушевно по слуху на рояли.

Горячо мечталъ мальчикъ о желанныхъ каникулахъ, когда въ глухомъ уголкѣ деревни онъ отдохнетъ отъ своего вѣчно грустнаго щемящаго чувства одиночества.

Природу любилъ онъ страстно. Въ мальчикѣ уже проявились тѣ черты, которыми впослѣдствіи отличался юноша-поэтъ. Простая русская деревенская глушь, крохотная рѣченка, затерявшаяся среди бѣдныхъ кустарниковъ, молодой лѣсокъ — все это было для него понятнымъ и безконечно милымъ... Въ гимназіи Сеня поднимался съ постели, когда еще всѣ покоились мирнымъ сномъ; онъ спѣшилъ полюбоваться прихотливыми отблесками розоватой зари, играющими на крышѣ...

Въ деревнѣ его любовь къ природѣ сказалась особенно сильно.

Въ тихія лунныя ночи онъ выходилъ на балконъ и, вдыхая ароматъ цвѣтущихъ кустовъ, задумчиво водилъ смычкомъ по скрипкѣ... Вдали вилась свѣтлою лентою рѣка и пропадала за безконечными полями... Мирно дремали зубчатыя вершины рощи... На глазахъ Сени блестѣли

восторженныя слезы... Душу баюкали нѣжныя волны, которыя поднимались изъ самыхъ затаенныхъ ея уголковъ... Ему было такъ хорошо!. .

Сеню выбрали въ пѣвчіе. У него былъ отличный слухъ и очень пріятный голосъ. Но пѣніе и музыка не вполнѣ удовлетворяли мальчика. У него была ненасытная жажда дѣятельности. Одинъ изъ кадетовъ участвовалъ въ какомъ-то любительскомъ спектаклѣ. Онъ натолкнулъ Сеню на мысль устроить кружокъ „актеровъ-любителей". Членами этого кружка сдѣлалось нѣсколько кадетовъ, пригласили знакомыхъ дѣвочекъ, Сеню выбрали режиссеромъ *). Нужно было рѣшить нѣсколько важныхъ дѣлъ: выбрать пьесу, обсудить ея постановку и обдумать декораціи и занавѣсъ. Одинъ изъ кадетовъ умѣлъ рисовать; онъ предложилъ сдѣлать два занавѣса: бѣлый съ красной золотострунной лирой посрединѣ и голубой съ золотыми звѣздами. Конечно, оба они должны были выйти великолѣпно.

Дни отпусковъ Сеня проводилъ въ семьѣ дяди. Теперь они пріобрѣли для него громадный интересъ.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ желанной субботы. По субботамъ назначались репетиціи будущихъ спектаклей и обсуждалась постановка пьесъ... Маленькіе актеры были въ сильномъ волненіи. Начались безконечныя хлопоты: закупки, переписка ролей, клейка декорацій... Всѣ свободныя минутки, такія короткія въ школьной жизни, были наполнены обсужденіемъ перваго спектакля. Еще такъ недавно чуждая Сенѣ группа кадетовъ теперь сплотилась въ одинъ дружный кружокъ. Разговоры лились, глаза загорались, слышались

*) Режиссеръ—завѣдующій всѣмъ представленіемъ.

горячіе споры... И вотъ настала послѣдняя ночь. Завтра назначенъ спектакль. Мальчики трусили. Одинъ изъ нихъ не зналъ роли, да къ тому же у него не было костюма! Но костюмъ кое-какъ удалось достать. Въ нижнемъ этажѣ, у знакомыхъ, былъ вечеръ. Оттуда неслись неясные звуки музыки; голосъ дирижера, веселый смѣхъ кружащихся паръ... А наверху шла торопливая клейка декорацій. Мальчиковъ звали танцовать, но они были всецѣло поглощены работой и отказались.

На другой день состоялся знаменитый спектакль. Около шести часовъ вечера собралась публика—родственники и знакомые участвующихъ, около пятидесяти человѣкъ.

Маленькія актрисы отправились на сцену, торопливо крестясь, съ перепуганными личиками. Сердца ихъ, казалось, готовы были разорваться отъ страшнаго волненія. Вотъ раздался звонокъ, занавѣсъ взвился... Дѣвочки вдругъ ободрились. Одна изъ нихъ, игравшая роль бабушки, заговорила такимъ пронзительно тонкимъ голоскомъ, что зрители и актеры за сценой покатились отъ смѣха... Но бабушка уже вошла въ свою роль. Нисколько не смущаясь, она продолжала качать въ тактъ головою съ надвинутымъ на самый носъ забавнымъ чепцомъ...

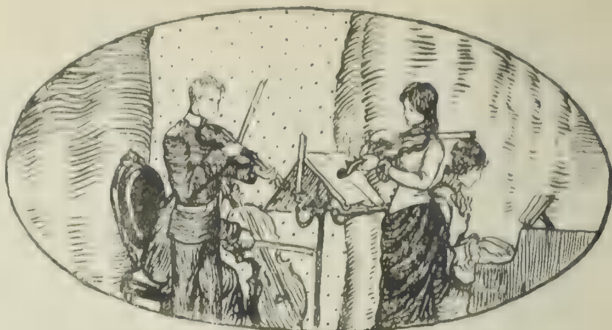
Наконецъ, насталъ выходъ Сени. Онъ игралъ молодого человѣка. Дрожа отъ волненія, онъ вышелъ на сцену. Мальчикъ началъ робкимъ колеблющимся голосомъ. Мало-по-малу онъ пріободрился, голосъ его окрѣпъ, и онъ продолжалъ дальше довольно спокойно...

Вторая пьеса сошла хуже. Актеры не успѣли хорошо выучить роли и путались. Особенно одинъ мальчикъ запинался и поминутно спрашивалъ шопотомъ товарищей:

— Что же дальше?

Актеры и публика фыркали, но мальчикъ, не смущаясь нисколько, сталъ говорить дальше наобумъ, сочиняя длиннѣйшія рѣчи... Всѣ спутались...

Снисходительная публика, хохотавшая отъ души, наградила неопытныхъ артистовъ дружными громкими апплодисментами. Имъ подносили конфеты, вѣнки... Послѣ спектакля устроились танцы... Были провозглашены въ честь участвующихъ громкіе тосты... Поздно разошлись артисты съ радостными лицами и шумными пожеланіями...



IV.

Стихи. Новое знакомство.

Въ тусклой кадетской жизни Сени была еще одна отрада: неясные, смутные образы и картины, носившіеся роемъ въ его дѣтской душѣ, научился онъ воплощать въ звучныхъ музыкальныхъ строкахъ. Съ девяти лѣтъ писалъ онъ уже свои стихотворенія. Одиннадцати лѣтъ онъ написалъ красивое, почти художественно-законченное произведеніе „Фантазія".

ФАНТАЗІЯ.

Ночь благовонной тишиною
И южной прелестью полна;
Надъ спящей мирнымъ сномъ землею
Горитъ, какъ свѣтлый шаръ, луна.
Вдали, обросшій весь кустами,
Стоитъ твой домикъ надъ рѣкой,—
Облитый лунными лучами,
Бѣлѣетъ въ чащѣ онъ лѣсной.
Въ твоемъ окошкѣ, замирая,
Лампадки слабый свѣтъ блеститъ,
Какъ будто нитка золотая,
Онъ, въ рѣчкѣ искрясь, дрожитъ.

Быть можетъ, ты теперь читаешь,
Надъ книгой голову склоня,
Иль, растворивъ окно, мечтаешь
Подъ звуки пѣсни соловья;
Иль предъ иконою святою
Съ молитвой жаркою стоишь
И, вѣрой полная живою,
На ликъ Спасителя глядишь!...

Вмѣстѣ съ мальчикомъ росла и его горячая любовь къ поэзіи. Быть поэтомъ—вотъ счастье, къ которому онъ стремился. Четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ уже тяжело страдалъ при одной мысли, что изъ него не выйдетъ хорошаго писателя.

— Я положительно погибну,—мучительно восклицалъ Сеня,—если увѣрюсь, что во мнѣ нѣтъ поэтическаго таланта!

Юный поэтъ строго разбиралъ свои произведенія, то находя въ нихъ вялость слога, то блѣдность образовъ... И мальчикъ усиленно работалъ надъ своими стихами, по нѣскольку разъ передѣлывая или совсѣмъ зачеркивая написанное.

Тринадцати лѣтъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами задумалъ Сеня издавать журналъ. Выходить журналъ долженъ былъ ежемѣсячно, подписчиками предполагались знакомые, плата—десять листовъ писчей бумаги. Каждый изъ участвующихъ бралъ на себя какой нибудь отдѣлъ; сестра же одного изъ кадетовъ взялась рисовать каррикатуры.

Этотъ журналъ одно время поглощалъ Сеню всецѣло. Но занятія мальчика пошли значительно хуже. Онъ сталъ полѣниваться, готовилъ уроки только „для большихъ оказій“ и цѣлые дни просиживалъ за стихами. Благодаря прекрасной памяти, Сенѣ это сходило съ рукъ.

Наконецъ, юный поэтъ сдѣлалъ первую попытку напечатать стихи. Просмотрѣвъ новый журналъ „Сѣверная Звѣзда“, Сеня нашелъ, что стихотворенія, помѣщенныя тамъ, куда плоше, чѣмъ его „нехитростныя произведенія“, какъ выражался мальчикъ. И онъ попробовалъ послать свои стихи въ „Сѣверную Звѣзду“.

Сеня написалъ самое вѣжливое письмо къ редактору журнала, подписалъ подъ стихами полную фамилію и отправилъ. Съ какимъ страстнымъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ отвѣта! Воображеніе уже рисовало знакомыя строчки стиховъ на страницахъ „Сѣверной Звѣзды“, удивленіе товарищей... И Сеня начиналъ мечтать... Вотъ онъ, еще мальчикъ, заработаетъ деньги трудомъ мысли, далеко не всякому доступнымъ... Онъ купитъ себѣ на нихъ часы, американскіе коньки, починитъ скрипку, пріобрѣтетъ завѣтные томики любимыхъ писателей... Наконецъ, онъ — поэтъ! Какое счастье! Но розовыя мечты вдругъ меркли...

— А что, если не напечатаютъ? — мелькало тревожно въ головѣ.

Съ каждымъ днемъ все больше росла его тревога, но отвѣта изъ редакціи не было. Такъ онъ и не пришелъ...

— „Должно быть, владѣтель „Звѣзды“ позабылъ о грѣшномъ авторѣ грѣшнаго произведенія“,—думалъ Сеня.

И мальчикъ принялся за новое стихотвореніе „Сонъ Іоанна Грознаго“. Сеня глубоко задумался надъ картинами былого. Передъ нимъ, какъ живой, всталъ изъ сѣдой старины страшный образъ грознаго царя... Яркія выпуклыя картины все разростались, охватывали горячую голову... Неясныя отрывочныя строки роились въ ней,

складывались сами собою въ стройныя созвучія и послушно ложились на бумагу...

„Сонъ Іоанна Грознаго“ готовъ. На душѣ Сени хорошо. Онъ подалъ свое новое произведеніе учителю русскаго языка и сталъ съ трепетомъ ждать его мнѣнія. Прошло немного времени, и на „Сонъ Іоанна Грознаго“ явился хорошій отзывъ. Учитель, конечно, находилъ стихи недостаточно обработанными, но въ концѣ концовъ хвалилъ ихъ.

Весь урокъ Сеня былъ въ какомъ-то трепетномъ восторгѣ. Голова его работала уже надъ исправленіемъ шероховатостей слога...

Пятнадцати лѣтъ Сеня близко сошелся съ Мишей Дешевовымъ, кадетомъ младшаго класса. Онъ познакомился съ нимъ въ лазаретѣ. У Миши былъ коклюшъ, и онъ довольно долго пролежалъ въ постели. Какъ-то разъ Сеня пошелъ его навѣстить. Болѣзнь-ли разстроила нервы мальчика, или тяжелое одиночество давило сердце, но при видѣ Сени на глазахъ у Миши выступили слезы; онъ отвернулся и заплакалъ.

Сеня молчалъ. Ему было страшно жаль Мишу. Душу переполняло такъ много разнообразныхъ чувствъ, но съ языка какъ-то не шло слово участія. А вѣдь онъ самъ хорошо зналъ, какъ въ тяжелыя минуты одиночества хочется прильнуть къ дружеской груди, выплакаться на ней... Въ головѣ его невольно всталъ свѣтлый образъ покойной матери... Она всегда находила въ своемъ золотомъ сердцѣ слово участія... Сеня нагнулся къ плачущему мальчику, и голосъ его дрогнулъ:

— Миша... ты вѣрно хотѣлъ бы повидаться съ матерью... Дай, я отошлю ей письмо?..

Лицо Миши просвѣтлѣло. Онъ радостно кивнулъ головой.

— Ахъ, пожалуйста! Спасибо!

Была принесена бумага, конвертъ, вмѣстѣ составилось желанное письмо. Сеня торопливо поднялся.

— Ну, прощай... Я пойду, отправлю письмо, а ты пока въ ожиданіи почитай... Вотъ тебѣ Пушкинъ,—съ нимъ не соскучишься.

Прошло нѣсколько дней. Надсонъ навѣстилъ Мишу въ лазаретѣ. Съ каждымъ днемъ онъ все сильнѣе привязывался къ больному мальчику. Миша встрѣтилъ его радостной улыбкой и весело крикнулъ:

— Мама была... я ей говорилъ о тебѣ; она очень хочетъ съ тобою познакомиться. Мама будетъ у меня въ субботу въ три часа. Ты непремѣнно приходи. А? Придешь?

— Отлично! Конечно, приду.

Сеню заинтересовало это знакомство. Кромѣ того, ему хотѣлось поближе сойтись съ Мишей.

Настала суббота. Надсонъ пришелъ въ лазаретъ, совсѣмъ одѣтый, готовый идти въ отпускъ. Миша сидѣлъ на кровати около матери. Лицо его свѣтилось радостью. Было три часа, и тусклыя осеннія сумерки скрывали лицо матери. Надсонъ подошелъ ближе. На него глянули привѣтливые добрые глаза, ласковое лицо, озаренное улыбкой. Она протянула мальчику руку, какъ старому знакомому. И въ ту же минуту Надсонъ почувствовалъ себя съ нею такъ хорошо, какъ будто зналъ ее всю жизнь. Полилась дружеская теплая бесѣда. О чемъ только тутъ ни говорилось! Казалось, мать Миши, Софью Степановну, интересовало все: и музыка, и литература, и театръ... Казалось, холодныя казенныя стѣны этой хмурой комнаты раздвинулись, ушли куда-то далеко, койки исчезли... Надсонъ видѣлъ только сіяющее личико Миши,

добрые глаза его матери, слышалъ тихую ласковую рѣчь... Какъ давно онъ не говорилъ ни съ кѣмъ такъ задушевно!

Два часа пролетѣли незамѣтно. Надсонъ даже забылъ, что собрался въ отпускъ. Мать Миши посмотрѣла на часы и заторопилась.

— Ну, и заболталась же я съ вами,—сказала она,—давно бы пора уходить. Прощай, Миша, прощайте, Надсонъ! —и она крѣпко пожала ему руку.

Полный новыхъ ощущенiй, Надсонъ вышелъ изъ лазарета. Всю дорогу къ дядѣ онъ не шелъ, а летѣлъ. Ему казалось, что какая-то новая сила окрыляетъ его. Мать Миши представлялась ему окруженной какимъ-то свѣтлымъ лучезарнымъ ореоломъ.

— Она—что-то высшее, что-то великое!—въ порывѣ восторга воскликнулъ Надсонъ.

Восторгъ трепеталъ въ каждомъ его нервѣ...

Наступилъ сочельникъ. Въ этотъ день Надсонъ рѣшилъ пойти навѣстить Мишу. Онъ встрѣтилъ мальчика на дорогѣ. Миша шелъ рядомъ съ молоденькой стройной дѣвушкой. Сквозь синiе очки своими близорукими глазами онъ не разглядѣлъ Надсона.

— Миша!—раздался торопливый окликъ.

Миша обернулся, а вмѣстѣ съ нимъ обернулась и его спутница. На минуту передъ Надсономъ блеснули славные сѣрые глазки, нѣжный овалъ полудѣтскаго личика съ милой улыбкой... Дѣвушка откинула тяжелую бѣлокурую косу назадъ черезъ плечо, тряхнула головкой и съ любопытствомъ уставилась на незнакомаго кадета. Надсонъ догадался, что эта сестра Миши, Наташа.

— Вы вѣрно Надсонъ?—вдругъ простодушно спросила дѣвушка.

Надсонъ поклонился.

А Наташа стала звать его домой.

- Вы только насъ проводите, а тамъ мы васъ ужъ сумѣемъ зазвать. Да, Миша?

Надсонъ проводилъ Дешевовыхъ до подъѣзда, но его просто-на-просто затащили въ двери. Былъ сильный морозъ, онъ страшно перезябъ, и когда вошелъ въ эту уютную квартирку, его охватило пріятное чувство теплоты и покоя. Какъ было хорошо въ комнаткѣ Наташи, такъ называемой „дѣтской"! Маленькій письменный столикъ, рисунки и коллекціи по стѣнамъ, пузатенькіе комоды, хорошенькій туалетикъ съ бездѣлушками, въ углу дѣтская поддѣльная елка... И веселыми звонкими переливами звучалъ чистый голосокъ хозяйки...

— Здравствуйте, Надсонъ!—послышалось изъ-за перегородки ласковое привѣтствіе Софьи Степановны.

Надсонъ такъ задумался, что поклонился перегородкѣ. Онъ забылъ, что Софья Степановна не можетъ его видѣть. Раздался серебристый смѣхъ удивленной Наташи. Надсонъ спохватился и самъ громко расхохотался. Этотъ смѣхъ сразу положилъ конецъ его смущенію. Онъ усѣлся рядомъ съ Наташей. Черезъ часъ они казались совсѣмъ старыми друзьями. Надсона оставили обѣдать. Послѣ обѣда отецъ Миши, котораго Надсонъ видѣлъ вначалѣ только мелькомъ, предложилъ сыграть квартетъ. Онъ игралъ на віолончели, одна знакомая Дешевовыхъ на концертино, Надсонъ и Наташа—на скрипкахъ.

Отбивая ногою тактъ и напряженно стараясь не спутать, Надсонъ все-таки сбивался. Изъ-за зажженныхъ свѣчей выглядывало личико Наташи съ лукавой улыбкой...

Юноша краснѣлъ и поминутно сбивался со счета. А Наташа, не глядя на ноты, вѣрно и бойко водила смычкомъ по струнамъ...

Было поздно. Надсонъ со вздохомъ началъ прощаться. Какъ ему не хотѣлось уходить изъ этого мирнаго уголка! Новое чувство росло и разгоралось въ душѣ юноши. Его тянуло въ эту тихую семью... Каждую минуту онъ думалъ теперь о ней... и милое оживленное личико Наташи вставало передъ глазами юноши.

Мишѣ трудно было учиться, и Надсонъ предложилъ ему свою помощь. Улучивъ свободный часъ, онъ летѣлъ къ завѣтному дому... И съ каждымъ днемъ между Надсономъ и Наташей устанавливалась большая дружба.

Наканунѣ Новаго года счастливый и сіяющій выходилъ Надсонъ изъ знакомаго подъѣзда. Онъ крѣпко прижималъ къ груди тоненькую ленточку, полученную отъ Наташи „на память". Съ какою дѣтскою трогательною улыбкой протянула она ему эту ленточку! Онъ вернулся домой и опустился въ кресло у окна. Сквозь стекло въ комнату заглядывалъ ясный мѣсяцъ... Онъ скользилъ мягкими матовыми лучами по бѣлому подоконнику, скользилъ ласково и по склоненной фигурѣ юноши. И Надсону казалось, что этотъ свѣтъ врывается полною волною прямо въ его сердце... Блаженное чувство трепетало въ его груди... Онъ провелъ рукою по глазамъ; они были влажны... Какія это были безконечно сладкія слезы!

Полночь приближалась. Въ залѣ собралось небольшое общество встрѣтить новый годъ. Здѣсь были чуждые Надсону люди... Но сегодня они казались ему родными; онъ ихъ горячо любилъ. Съ бокалами въ рукахъ всѣ нетерпѣливо ждали, когда старые часы пробьютъ двѣнадцать ударовъ.

У всѣхъ были веселыя лица, нарядныя свѣтлыя платья...

Надсонъ поднялся и незамѣтно проскользнулъ изъ-за стола. Онъ досталъ бумажку, написалъ на ней три завѣтныхъ желанія: „здоровье, слава, любовь Наташи". Пока часы будутъ бить полночь, надо успѣть сжечь бумажку дотла. Вотъ они захрипѣли, и гулко раздался первый ударъ... Дрожащими руками поднесъ юноша бумажку къ пламени свѣчи. Огонекъ ярко вспыхнулъ, охватилъ ее, зазмѣился по буквамъ... Вотъ и все... Черный пепелъ разлетѣлся по воздуху... А у стола раздавался звонъ бокаловъ, громкій смѣхъ, шумныя поздравленія.

— Съ новымъ годомъ! Съ новымъ счастьемъ!

И юноша съ сіяющимъ лицомъ присоединилъ свой пѣнящійся бокалъ. Какая эта была чудная, блаженная ночь!

V.

Первое напечатанное стихотворенiе.—Смерть Наташи.

Святки пролетѣли быстро. Надсонъ постоянно бывалъ у Миши, постоянно встрѣчался съ Наташей. Эта близость со всею семьею Дешевовыхъ давала ему много отрадныхъ минутъ. Но порою юношѣ казалось, что къ нему относятся не такъ хорошо, не такъ сердечно, какъ прежде... Въ эти грустныя минуты онъ почти всегда писалъ стихи. Часто ему хотѣлось прочесть свои произведенiя Наташѣ, тогда бы она поняла, какъ онъ страдаетъ...

Въ эти дни Надсону особенно тяжело было въ семьѣ дяди. Малѣйшее неосторожное слово больно отзывалось въ душѣ самолюбиваго мальчика. Ему казалось, что и дядя, и тетка какъ-то особенно враждебно смотрятъ на него; казалось, что и слова, и улыбки ихъ натянуты... И горькое чувство поднималось въ его душѣ.

Въ одинъ изъ отпусковъ Надсонъ получилъ отъ Миши приглашенiе зайти вечеромъ. Онъ просилъ тетку позволить ему идти къ Дешевовымъ. Но дѣло кончилось бурной сценой упрековъ.

— Дѣлай, что хочешь! — жестко крикнула тетка:—мнѣ до тебя нѣтъ дѣла!

Надсонъ круто повернулъ и вышелъ изъ залы... Тоскливо было у него на сердцѣ. Тяжелая картина одиночества съ самаго дѣтства разомъ ярко вспыхнула передъ нимъ. Онъ не плакалъ и, стиснувъ зубы, сидѣлъ неподвижно... Хорошо! если на него смотрятъ, какъ на чужого, то и они для него будутъ чужими. Онъ не придетъ уже больше въ отпускъ и, несмотря на тоску, проведетъ въ гимназіи всѣ праздники. Ну, чтожъ! Такъ будетъ лучше.

На другой день Надсонъ все-таки отправился къ Мишѣ. Наболѣвшее сердце слишкомъ нуждалось въ участіи. И онъ дрожащимъ голосомъ разсказалъ товарищу свою семейную неурядицу. Мальчикъ внимательно выслушалъ и сердечно сказалъ:

— Я вѣдь давно подозрѣвалъ это...

Они замолчали, думая объ одномъ и томъ же. И хоть немного словъ сказалъ Миша,—Надсону стало какъ-то легче. Нашелся на свѣтѣ человѣкъ, который относился къ нему съ дружескимъ участіемъ...

Но рѣшеніе Надсона не ходить въ отпускъ не осуществилось. Тетка начала сожалѣть, что незаслуженно разбранила его, и перемѣнила свое обращеніе. Малѣйшая ласка смягчала юношу. И теперь онъ простилъ недавнюю обиду...

Чувство одиночества сказывалось въ Надсонѣ по временамъ особенно сильно; онъ сознавалъ, что у него мало общаго съ товарищами. Между ними были и юноши съ добрымъ сердцемъ, въ общемъ недурные малые, но ихъ интересы и стремленія были чужды Надсону. Всѣ эти кадеты

мечтали о гусарскомъ мундирѣ и шпорахъ; Надсону же не нравилась военная служба, и онъ не понималъ интересовъ товарищей...

Автографъ С. Я. Надсона.

Наступили переходные экзамены предпослѣдняго класса, то хорошое лихорадочное время, когда ночи на пролетъ просиживаешь надъ кни-

гой, дрожишь, волнуешься, радуешься хорошему исходу... А прилетѣвшая весна съ молодыми почками, со своею чудною свѣжестью, бѣлыя ночи — все вмѣстѣ заставляетъ сердце какъ-то особенно восторженно биться. Славная пора!

Экзамены пролетѣли, какъ сонъ.

Передъ каникулами кадеты собрались сказать рѣчь оставлявшему ихъ учителю физики. Для произнесенія ея классъ выбралъ Надсона.

Онъ бодро вышелъ впередъ. Взглядъ его упалъ на лицо учителя, взволнованное, растроганное... Голосъ юноши дрогнулъ; къ горлу подступали слезы... они мѣшали говорить... Сдѣлавъ усиліе, Надсонъ кое-какъ докончилъ рѣчь. Протянувъ учителю подарокъ класса— портсигаръ, онъ стушевался, чтобы не расплакаться, и когда кончилъ, дружное „ура“ огласило воздухъ. Десятки сильныхъ рукъ подхватили его, къ лицу наклонились возбужденныя молодыя лица... его стали качать... Когда учитель вышелъ изъ класса, на глазахъ его блестѣли слезы...

Незадолго передъ этимъ, весною 1878 года, Софья Степановна обратила серьезное вниманіе на стихи Надсона и настояла на томъ, чтобы они были посланы въ одинъ изъ журналовъ. Надсонъ выбралъ свое стихотвореніе „На зарѣ“ и послалъ его въ журналъ „Свѣтъ“.

НА ЗАРѢ.

Заревомъ заката даль небесъ объята,
Рѣчка голубая блещетъ, какъ въ огнѣ;
Нѣжными цвѣтами убраны богато
Тучки утопаютъ въ ясной вышинѣ.
Кое-гдѣ, мерцая блѣдными лучами,
Звѣздочки-шалуньи въ небесахъ горятъ.

Лѣсъ, облитый свѣтомъ, не дрогнетъ вѣтвями,
И въ вечерней нѣгѣ мирно нивы спятъ.
Только ты не знаешь нѣги и покоя,
Грудь моя больная, полная тоской.
Что жъ тебя волнуетъ? Грустное-ль былое,
Иль надеждъ разбитыхъ безотрадный рой?
Заползли-ль змѣею злобныя сомнѣнья,
Отравили вѣру въ счастье и людей,
Страсти-ли мятежной грезы и волненья
Вспыхнули нежданно въ глубинѣ твоей?
Иль, въ борьбѣ съ судьбою погубивши силы,
Ты ужъ тяготишься этою борьбой
И, забывъ надежды, мрачно ждешь могилы,
Съ малодушной грустью, съ желчною тоской?
Полно, успокойся, сбрось печали бремя:
Не пройдетъ безплодно тяжкая борьба,
И зарею ясной запылаетъ время,
Время свѣтлой мысли, правды и труда.

Тревожное ожиданіе отвѣта изъ редакціи совпало какъ разъ съ экзаменами. Наконецъ-то онъ пришелъ! Стихотвореніе было принято. У Надсона кружилась голова отъ восторга... И въ завѣтной тетрадкѣ появились ликующія строки:

„Впередъ, мой челнъ, впередъ по бурнымъ волнамъ житейскаго моря, къ вѣчной правдѣ, къ благодатному свѣту...

„...Я воображаю себѣ, какъ напечатано будетъ заглавіе „На зарѣ“ и моя подпись подъ стихотвореніемъ! Скорѣй бы оно вышло: съ нимъ соединено такъ много въ моей жизни... Я вступилъ теперь на дорогу, назадъ поздно, да и не зачѣмъ: даль являетъ такой заманчивый призракъ славы, невидимый голосъ шепчетъ: „иди, впередъ, впередъ“, и я пойду впередъ!“

— „Свѣтъ“ вышелъ!“ появилась въ дневникѣ юнаго поэта ликующая страница объ этомъ

событіи величайшей для него важности,—„вотъ то событіе первой важности, котораго я ждалъ такъ долго и съ такимъ нетерпѣніемъ. Я только что объ этомъ узналъ, и трудно передать, какъ я счастливъ . . . . . Ура, тысячу разъ ура! Не могу писать: я изнываю подъ наплывомъ разнородныхъ ощущеній. Наташа, я счастливъ!"

Подробно описываетъ юноша свое посѣщеніе редакціи „Свѣта", куда онъ пошелъ за номеромъ журнала, въ которомъ были помѣщены его стихи.

— „Признаться, сердце-таки у меня постукивало, когда я дрожащими отъ волненія руками держалъ за мѣдную ручку звонка и сталъ ждать. Вскорѣ за дверью застучали чьи то мелкіе шаги, и мнѣ отперла дверь какая-то молодая дѣвочка, вѣроятно, горничная Вагнера *)—„Могу я видѣть г. профессора?" спросилъ я.—„Кого-съ?"—„Г-на редактора?"—„Г-на редактора-съ?—съ видимымъ недоумѣніемъ произнесла она:—„Мнѣ г-на Вагнера надо. Доложите ему". Я услыхалъ, какъ быстро пробѣжала дѣвочка какую-то большую комнату, должно быть, залу, и произнесла: „Васъ тамъ какой то кадетъ спрашиваетъ". Я невольно улыбнулся. Черезъ нѣсколько секундъ опять раздался ея скорый аллюръ, и она сказала мнѣ: „Пожалуйте-съ въ кабинетъ". Дѣлать нечего, пришлось идти въ кабинетъ, на порогѣ котораго встрѣтилъ меня Вагнеръ и, сухо поклонившись издали, очевидно, досадуя, что его оторвали отъ работы, произнесъ: „Что вамъ угодно-съ?" — Я нѣсколько смутился и объявилъ ему, что хотѣлъ бы имѣть № „Свѣта". Жена его принесла нумеръ. „Что это стоитъ?"—спросилъ я и почувствовалъ,

*) Покойный профессоръ зоологіи Н. П. Вагнеръ, авторъ „Сказокъ Кота Мурлыки", былъ редакторомъ журнала „Свѣтъ".

что краснѣю до ушей.—„Да вѣдь въ розничной продажѣ нельзя, кажется, продавать,"—возразила она.—„Нельзя",—отвѣчалъ Вагнеръ. „Такъ какъ же?" начала его жена.—„Очень жаль",—перебилъ я,—„здѣсь помѣщено мое стихотвореніе".—И я началъ было откланиваться, какъ Вагнеръ быстро подошелъ ко мнѣ.—„Вы Надсонъ?"—спросилъ онъ.— „Да",—съ поклономъ отвѣчалъ я.—„Здравствуйте, здравствуйте!"—онъ протянулъ мнѣ руку, которую я не преминулъ пожать съ уваженіемъ, сознавая, что жму руку, которою были написаны „Сказки Кота Мурлыки".—„Что жъ, вы желаете получить гонораръ?" — спросилъ Вагнеръ. Я, разумѣется, отказался... Такъ вы возьмите хоть всѣ нумера „Свѣта"... Онъ сказалъ мнѣ еще нѣсколько ободряющихъ словъ, я передалъ ему свое новое стихотвореніе и исчезъ. Да еще въ передней долго возился съ шинелью, крючки которой никакъ не могъ застегнуть. Вышелъ я изъ редакціи въ полномъ восторгѣ... Я крѣпко прижалъ къ губамъ нумера „Свѣта". заработанные мною и потому дорогіе нумера, и, быстро шагая по панели, принялся вслушиваться во внутренній голосъ, который повторялъ мнѣ фразу Вагнера при отдачѣ новаго моего стихотворенія. „Если оно будетъ такъ же хорошо, я непремѣнно помѣщу его!" Первое напечатанное стихотвореніе! Оно кажется всегда гораздо лучше, чѣмъ въ рукописи! Каждая строка, каждая буква принимаетъ другой видъ. Хочется взглянуть еще и еще, пока не будетъ изучена каждая буква..."

На улицѣ весенній воздухъ широкой волною хлынулъ въ разгоряченное лицо юноши... Онъ чуть не бѣгомъ пустился домой...

Дома ждали его учебники да не повторенные къ слѣдующему экзамену билеты.

Съ этихъ поръ литературные успѣхи Надсона пошли быстро.

Вслѣдъ за стихотвореніемъ „На зарѣ“ появилось задушевное, музыкальное стихотвореніе „Похороны“:

Слышишь—въ селѣ, за рѣкою зеркальной,
Глухо разносится звонъ погребальный
Въ сонномъ затишьѣ полей;—
Грозно и мѣрно, ударъ за ударомъ,
Тонетъ въ дали, озаренной пожаромъ
Алыхъ, вечернихъ лучей...

Слышишь—звучитъ похоронное пѣнье:
Это—апостолъ труда и терпѣнья—
Честный рабочій почилъ...
Долго онъ шелъ трудовою дорогой,
Долго родимую землю съ тревогой
Пóтомъ и кровью поилъ.

Жегъ его полдень горячимъ сіяньемъ,
Вѣтеръ знобилъ леденящимъ дыханьемъ,
Туча мочила дождемъ...
Вьюгой избенку его заметало,
Градомъ на нивахъ его побивало
Колосъ, взрощенный трудомъ.

Много онъ вынесъ могучей душою,
Съ дѣтства привыкшей бороться съ судьбою:
Пусть же, зарытый землей,
Онъ отдохнетъ отъ заботъ и волненья—
Этотъ апостолъ труда и терпѣнья
Нашей отчизны родной.

Надсона замѣтили, стали хвалить въ газетахъ. Всѣ восторги, все свое счастье онъ несъ не домой, къ теткѣ и дядѣ, а въ чужую семью, пригрѣвшую

его теплою лаской. Онъ спѣшилъ подѣлиться радостью съ Наташей, которая была ему дороже всего на свѣтѣ.

Въ этотъ періодъ своей жизни юноша Надсонъ далеко шагнулъ впередъ; въ немъ проснулись обычные „вопросы юности“.

Вотъ что онъ писалъ въ февралѣ 1878 г. въ своемъ дневникѣ:

„Много я передумалъ, много перечувствовалъ и испыталъ. Рано начали тревожить меня тѣ вопросы, надъ рѣшеніемъ которыхъ долго бились и близкіе люди . . . . . За эту пору я выросъ нравственно цѣлой головой; и я скинулъ съ себя все дѣтское, я поднялъ знамя юности и поднялъ его въ пору душевныхъ волненій и тревогъ“.

Вѣроятно, вопросы и тревоги были слишкомъ тяжелы и слишкомъ сложны; юноша не въ силахъ былъ писать о нихъ въ свою завѣтную тетрадь и переживалъ жизненныя сомнѣнія молча. Въ дневникѣ, послѣ долгаго перерыва, появилось вдругъ роковое извѣстіе: Наташа Дешевова, дѣвушка хрупкаго здоровья, заболѣла. У нея открылась скоротечная чахотка. Поэтъ рвался, чтобъ увидѣть любимую дѣвушку, проститься, услышать еще разъ дорогой голосъ, но его не пустили... Весною Наташа умерла.

„Она, наше солнышко, наша свѣтлая звѣздочка, погасла, закатилась, пропала въ той темнотѣ, которую зовутъ смертью... Господи, упокой ея душу!“

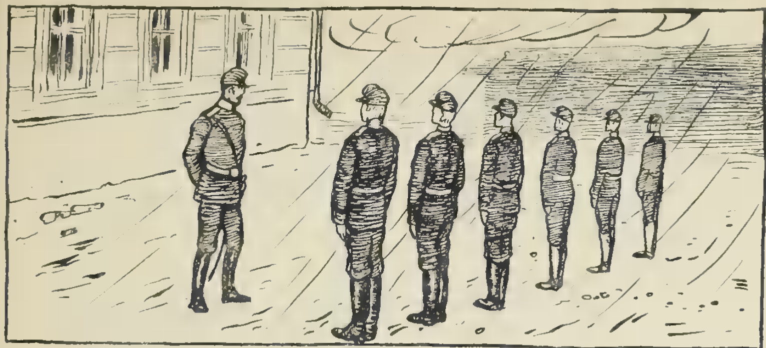
Вскорѣ умерла и убитая горемъ Софья Степановна. Теперь ему казалось, что для него померкнулъ весь свѣтъ. Онъ чувствовалъ, что страшная скорбь съ каждымъ днемъ все сильнѣе

и сильнѣе охватываетъ его, и долгими безсонными ночами глухо рыдалъ о безвременной смерти Наташи...

Грусть по любимой дѣвушкѣ вылилась у Надсона въ слѣдующемъ стихотвореніи:

НАДЪ СВѢЖЕЙ МОГИЛОЙ.

Я вновь одинъ—и вновь кругомъ
Все та же ночь и мракъ унылый,
И я въ раздумьѣ роковомъ
Стою надъ свѣжею могилой:
Чего мнѣ ждать, къ чему мнѣ жить,
Къ чему бороться и трудиться:—
Мнѣ больше некого любить,
Мнѣ больше некому молиться!



VI.

Окончаніе гимназіи. — Болѣзнь. — Кавказъ. — Знакомство съ Плещеевымъ. — Выпускъ въ офицеры. — Кронштадтъ.

А тутъ надвигались выпускные экзамены. Приходилось заниматься, когда не было силъ оторвать мысль отъ смерти. Можетъ быть, эти экзамены и помогли Надсону справиться съ собою. Сначала юноша дѣлалъ страшныя усилія, стараясь вникнуть въ безконечные учебники. Сухія строки прочитывались машинально, не оставляя въ головѣ никакого слѣда. Но мало-помалу Надсонъ взялъ себя въ руки и къ концу весны успѣшно сдалъ всѣ экзамены. Это стоило ему огромной работы надъ собою. Свѣтлая любовь къ Наташѣ, преклоненіе передъ ея памятью помогли ему. Когда жива была Наташа, онъ говорилъ:

„Я знаю одно—что всю жизнь свою я готовъ отдать за нее, и мнѣ довольно этого сознанія. Мнѣ дорого все, что хоть самымъ отдаленнымъ образомъ касается ея...“

Теперь онъ писалъ:

„Нужно постараться одному сдѣлать то, что мы собрались сдѣлать съ ней вмѣстѣ. У меня есть талантъ,—въ этомъ я, наконецъ, убѣдился,—и ея именемъ я обѣщаю не допускать ни одного фальшиваго и неискренняго звука въ моихъ пѣсняхъ, ни одного подкупного слова.“

Во имя свѣтлой памяти Наташи хотѣлъ юноша слагать свои прекрасныя пѣсни; ей онъ посвятилъ впослѣдствіи всю свою литературную работу...

Ежегодно въ гимназіи устраивались концерты. Въ нихъ участвовали кадеты. Въ этомъ году передъ публикой выступалъ Надсонъ со своей поэмой „Іуда“.

Онъ первый разъ читалъ публично. Дрожащимъ неровнымъ голосомъ началъ онъ первыя строки. Зала притихла. Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Голосъ его постепенно росъ, крѣпнулъ. Его охватывало знакомое страстное волненіе, уносящее далеко отъ этой залы съ ея толпою... Теперь уже и страхъ, и робость, все исчезло.

Онъ кончилъ. Кругомъ все заволновалось, зашумѣло. Надсона окружили, поздравляли, жали ему руки... тысяча похвалъ слышались въ разныхъ концахъ залы. Съ нимъ стремились познакомиться... Товарищи гордились имъ...

Гимназія была окончена. Прямая дорога — военное училище. Юношу приводила въ ужасъ одна мысль о продолженіи военной карьеры. Однако на семейномъ совѣтѣ давно уже все рѣшили: Надсонъ долженъ поступить въ Павловское военное училище. Вѣдь и то счастье для бѣднаго сироты! Скрѣпя сердце, онъ подчинился волѣ опекуна-дяди. Хилый, слабый отъ природы, съ

узкой грудью, Надсонъ не былъ годенъ для военной службы. Ему больше, чѣмъ кому нибудь, нужно было беречь свое здоровье: у него было наслѣдственное предрасположеніе къ чахоткѣ.

Юнкеровъ вывели на первое ученье. Былъ суровый осенній день. Тучи густою пеленой

Рис. 5. Портретъ С. Я. Надсона въ 1879 г.

заволокли небо; моросилъ дождикъ. Вѣтеръ налеталъ сильными порывами; осенняя сырость, казалось, пронизывала насквозь... Юнкера стояли въ однихъ мундирахъ. Надсонъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ... у него не попадалъ зубъ на зубъ... Наконецъ, ученье кончилось; юнкера вернулись въ училище. Надсонъ долго не

могъ отогрѣться. Скоро онъ почувствовалъ себя очень нехорошо и слегъ въ лазаретъ. Докторъ осмотрѣлъ, покачалъ головою...

— „Острый катарръ легкихъ“, — серьезно сказалъ онъ и нахмурился.

Болѣзнь была опасная, близкая къ чахоткѣ. Но Надсонъ точно радовался. Онъ принялъ ее, какъ желанную гостью... Ярко, съ новою силой вспыхнулъ передъ нимъ образъ навѣки потерянной Наташи... Ея нѣтъ... Зачѣмъ же жить? Для кого онъ нуженъ? И страшная тоска, заснувшая на время, охватила его. Она точила его, какъ червякъ, безъ устали, безъ отдыха...

Лежа съ открытыми глазами всѣ ночи напролетъ, больной не могъ пошевелиться отъ мучительной боли въ груди и тупо смотрѣлъ въ одну точку. Иногда онъ забывался мимолетной дремотой. Тогда, какъ живой, вставалъ передъ нимъ милый грустный образъ Наташи съ нѣжной улыбкой и лаской въ задумчивыхъ глазахъ... Онъ открывалъ глаза, и видѣніе пропадало. И опять эта черная злая тоска... Больной молилъ о смерти, какъ о благѣ, ждалъ ее съ трепетомъ, но она не приходила...

Не помня себя, разъ онъ порывисто схватилъ приготовленное лѣкарство... Минута—и оно вылито. Прочь все, что можетъ отдалить отъ него смерть. Съ усиліемъ приподнялся больной съ постели, держась за стѣну, добрался до окошка, слабыми руками распахнулъ форточку, но зашатался и упалъ на подоконникъ. Холодный рѣзкій вѣтеръ ворвался въ комнату, побѣжалъ по его тѣлу... Онъ почувствовалъ, будто его горѣвшаго лица коснулось чье-то холодное дыханіе,—дыханіе смерти... Глаза закрылись сами собою...

Но ни форточка, ни выброшенныя лѣкарства не привели Надсона къ могилѣ. Казалось, сама суровая, безжалостная смерть пожалѣла юную творческую силу. Ему еще рано было умереть...

Докторъ объявилъ, что больному необходимъ воздухъ Кавказа. Только тамъ можно надѣяться поправиться; иначе конецъ одинъ: чахотка.

Начались совѣщанія съ родными. Нервы Надсона дошли до страшнаго напряженія. Каждая мелочь, каждое неосторожно сказанное слово било его, какъ ударъ хлыста. Когда поѣздка была рѣшена и деньги получены, Надсонъ сталъ страшно мучиться „новою милостью". Ему невыносимо было принимать еще „подачку". Прощаясь съ дядей, юноша затаилъ въ душѣ горькую обиду. Въ словахъ дяди, сказанныхъ при прощаньѣ, онъ видѣлъ недовѣріе къ себѣ, къ своей болѣзни... Казалось, онъ читалъ въ глазахъ: „ты ѣдешь на Кавказъ не потому, что боленъ, а потому, что хочешь отлынуть отъ учебнаго года, а кстати прокатиться". Мысль, что его подозрѣваютъ во лжи, сводила юношу съ ума.

Въ Тифлисѣ Надсонъ поселился у своихъ родственниковъ. Онъ прожилъ здѣсь около года. Красота и величіе природы произвели на юношу сильное впечатлѣніе. Онъ лазалъ по страшнымъ кручамъ и, взобравшись на скалистый уступъ, любовался на нахмуренные великаны-горы съ ихъ суровой неразгаданной думой. Внизу, какъ пасть чудовища, разверзлась бездна, вверху тонутъ въ небѣ величественныя громады горъ... Горный воздухъ обвѣваетъ его чудной прохладой; легкій вѣтерокъ точно ласкается, освѣжая больную грудь... И бывали дни, когда ему казалось, что досадливыя мысли уходятъ дальше, дышать становится легче, отраднѣе. Подъ влія-

ніемъ могучей красоты Кавказа онъ написалъ свое извѣстное стихотвореніе „*Да*, хороши онѣ, кавказкія вершины...“

Да, хороши онѣ, кавказскія вершины,
Въ тотъ тихій часъ, когда слабѣющимъ лучемъ
Заря чуть золотитъ ихъ гордыя сѣдины,
И ночь склоняется къ нимъ дѣвственнымъ челомъ.
Какъ жрицы вѣщія, объятыя молчаньемъ,
Онѣ стоятъ въ своемъ раздумьѣ вѣковомъ;
А тамъ, внизу, сады кадятъ благоуханьемъ
Предъ ихъ незыблемымъ, гранитнымъ алтаремъ;
Тамъ — дерзкій гулъ толпы, объятой суетою,
Водоворотъ борьбы, страданій и страстей,—
И звуки музыки надъ шумною Курою,
И цѣпи длинныя мерцающихъ огней!...

Но нѣтъ въ ихъ красотѣ знакомаго простора:
Куда ни оглянись — вездѣ стѣна хребтовъ,—
И просится душа опять въ затишье бора,
Опять въ нѣмую даль синѣющихъ луговъ;
Туда, гдѣ такъ грустна родная мнѣ картина,
Гдѣ вѣтки блѣдныхъ ивъ склонились надъ прудомъ,
Гдѣ къ гибкому плетню приникнула рябина,
Гдѣ утро обдаетъ осеннимъ холодкомъ...
И часто предо мной встаютъ подъ небомъ Юга
Въ вѣнцѣ страдальческой и кроткой красоты,
Родного Сѣвера — покинутаго друга—
Больныя, грустныя, но милыя черты.

На Кавказѣ здоровье Надсона стало поправляться. Но въ это время его безпокоила участь сестры, которой было трудно учиться. Надсонъ просилъ ее немного потерпѣть, утѣшая тѣмъ, „что скоро настанетъ счастливая жизнь: онъ возьметъ ее къ себѣ“... Какъ славно тогда заживутъ

они вмѣстѣ! И докторъ, еще недавно предсказывавшій больному смерть, теперь удивленно смотрѣлъ на его посвѣжѣвшее лицо... Съ новыми силами принялся Надсонъ работать, много читалъ, участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ...

Но подъ конецъ года онъ сталъ тосковать о „миломъ сердцу сѣверѣ". Съ каждымъ днемъ тоска росла, а вмѣстѣ съ нею просыпались старыя тревоги и огорченія.

Тихою звѣздною ночью, склонясь надъ дневникомъ, Надсонъ перебиралъ въ головѣ тяжелыя воспоминанія. Онъ припоминалъ слова идеальной дѣвушки, припоминалъ и рядъ смертей... Что у него осталось? У другихъ есть семья, будущность, а у него? Какой-то голосъ неотвязно, назойливо шепталъ ему:

„Къ чему ты стремишься? Въ настоящемъ— военное училище,въ будущемъ—военная служба"...

И Надсонъ сжималъ руками горячую голову... Ему казалось, что онъ сходитъ съ ума... Воспоминанія не давали покоя... Онъ разбиралъ свою жизнь съ самаго ранняго дѣтства... И въ душѣ была одна безнадежность, безцѣльность будущаго...

Знакомые офицеры увѣряли, что у Надсона нѣтъ способностей къ военной службѣ: онъ былъ нервенъ; малѣйшій шумъ заставлялъ его болѣзненно вздрагивать, а ему приходилось стрѣлять на плацу. Ему надо было беречься простуды, а приходилось выстаивать на ученьѣ въ одномъ мундирѣ. У него были большія способности къ музыкѣ, и онѣ должны были погибнутъ безплодно...

Долгими безсонными ночами думалъ юноша надъ безрадостнымъ будущимъ, и слезы медленно текли по его лицу и скатывались на тетрадку. Господи, за что эта мука? Университетъ манилъ его, какъ далекая завѣтная мечта, но не было

средствъ на подготовку. Слабый, больной, что могъ онъ заработать? Консерваторія — туда его приняли бы на казенный счетъ... О, если бы это было возможно! Все, все лучше, чѣмъ военное училище!

„Куда угодно, но не въ военную службу!— отчаянно восклицалъ Надсонъ,— хоть въ сапожники.“ — И, думая о семьѣ дяди, онъ хватался за новую мысль:

„Они не хотятъ понять, не хотятъ помочь мнѣ, потому что не вѣрятъ мнѣ... Господи, вразуми, научи ихъ повѣрить!“

„Пожалѣйте-же меня! Вѣдь и собаку жалѣютъ! Я вамъ говорю, что сердце во мнѣ рвется на куски! Повѣрьте же хоть теперь, что не до комедій мнѣ!“

„Если то, о чемъ я васъ прошу, невозможно, откажите мнѣ помягче, безъ вражды! Пожалѣйте меня, вѣдь вы все-таки ко мнѣ ближе всѣхъ на свѣтѣ!“

Эти призывы больного, полные невыплаканныхъ слезъ и страданія, остались безъ отклика. Тѣ, къ кому они неслись, опять или не поняли, или не повѣрили, или просто не захотѣли слушать. По возвращеніи въ Петербургъ Надсону снова пришлось отправиться въ Павловское училище.

Надсонъ, всегда жаждавшій дѣятельности, старался и теперь скрасить унылую училищную жизнь: онъ участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ, пѣлъ въ юнкерскомъ хорѣ... Нерѣдко ему приходилось дежурить на открытомъ воздухѣ. Это, конечно, было очень вредно для здоровья, но юноша не щадилъ его... Тоскливою, безсмысленною казалась ему теперь жизнь.

„О своемъ здоровьѣ“,—писалъ Надсонъ въ одномъ письмѣ,—„рѣшительно не знаю, что пи-

сать, такъ какъ отзывы доктора сбиваютъ меня съ толку· я кашляю попрежнему, иногда по ночамъ лихорадка, и нервы въ ужасномъ состоянiи.

Рис. 6. Портретъ С. Я. Надсона въ 1883—1884 г.

Но главное—постоянная усталость, доходящая до невозможности передвигать ноги. Въ дождливые дни не знаешь, куда спрятаться отъ холода и сырости, такъ какъ наши хваленые бараки чуть

не кисейные. . . . . . . У меня показалась горломъ кровь.“

Свѣтлыми искорками были въ то время для Надсона его литературные успѣхи. Его замѣтили, какъ талантливаго поэта. Стихотворенія его помѣщали въ журналахъ нарасхватъ.

Въ училище поступилъ сынъ нашего извѣстнаго поэта А. Н. Плещеева. Онъ передалъ Надсону, что отецъ хочетъ его видѣть. Надсонъ не вѣрилъ своему счастью... Его, скромнаго, начинающаго, замѣтилъ старый поэтъ, славное имя котораго было извѣстно каждому. Вскорѣ Надсонъ познакомился съ А. Н. Плещеевымъ. Старый поэтъ принялъ юношу съ обычною теплою лаской... Полилась мягкая, задушевная бесѣда, дѣйствующая чарующе на всякаго, кто зналъ А. Н. Плещеева. Надсонъ возвращался въ училище, полный только что слышанныхъ теплыхъ, ободряющихъ словъ... На улицѣ, какъ изъ сита, моросилъ дождикъ, тускло свѣтили фонари; сырость пронизывала до костей, а въ душѣ у него распускалась пышная весна... И ясно, твердо смотрѣлъ онъ тогда въ будущее.

Вотъ какъ онъ самъ описывалъ свое знакомство съ маститымъ поэтомъ:

„Темно и скверно было кругомъ, а на душѣ у меня цвѣла и горѣла радужнымъ блескомъ самая нарядная, самая благоуханная весна: вечеръ, о которомъ я вспоминаю, былъ вечеромъ перваго моего вступленія въ литературный міръ, перваго знакомства съ извѣстнымъ поэтомъ Плещеевымъ, обратившимъ вниманіе на мои стихи, напечатанные въ журналѣ „Слово“ и письменно пригласившимъ меня къ себѣ „потолковать и познакомиться.“ Я былъ какъ въ чаду“.

Теплое отношеніе къ А. Н. Плещееву Надсонъ сохранилъ на всю жизнь и нерѣдко говорилъ, что „безконечно обязанъ теплотѣ, вкусу и образованію А. Н. Плещеева“.

Надломленное его здоровье съ каждымъ днемъ становилось хуже. У него снова показалась горломъ кровь... Въ сентябрѣ его выпустили офицеромъ въ 148 Каспійскій полкъ, стоявшій въ Кронштадтѣ.

Здѣсь онъ поселился въ маленькой комнатѣ, о какой ему мечталось еще въ гимназіи: мягкая мебель, ласково теплившаяся у образа лампадка, письменный столъ, этажерка съ любимыми книгами; простенькій домикъ съ запирающимися на ночь ставнями... Въ надвигающихся сумеркахъ слышались за стѣною нѣжные звуки рояля... Надсонъ входилъ въ комнаты хозяевъ, и его сейчасъ же окружала группа милыхъ дѣтскихъ головокъ... Весело и ясно свѣтились ихъ глазки, слышались звонкіе голоса:

— Разскажите намъ сказку!

И глазки смотрѣли съ такимъ нетерпѣливымъ ожиданіемъ... Поэтъ любилъ дѣтей. Онъ послушно усаживался между ними и начиналъ сказку... Дѣтскія личики сіяли счастьемъ... Рѣчи лились безъ конца...

„Сбылося все, о чемъ за школьными стѣнами
Мечталъ я юношей, въ грядущее смотря.
Уютно въ комнатѣ... въ углу предъ образами
Лампада теплится, о дѣтствѣ говоря;
Въ вечернихъ сумеркахъ, когда ко мнѣ слетаетъ
Источникъ творчества — завѣтная печаль,
За тонкою стѣной, какъ человѣкъ рыдаетъ
Пѣвучая рояль.

———

Порой вокругъ меня безпечно свѣтятъ глазки
И раздается смѣхъ собравшихся дѣтей,
И я, послушно имъ разсказывая сказки,
Самъ съ ними уношусь за тридевять морей;
Порою, дверь мою беззвучно отворяя,
Войдетъ хозяйскій котъ, старинный другъ семьи,
И ляжетъ на диванъ, и щуритъ, засыпая,
Зрачки горящіе свои...“

Такъ Надсонъ описываетъ свою кронштадтскую жизнь.

По вечерамъ въ маленькую келейку поэта собирались товарищи... Тутъ поднимались безконечные споры; звенѣла гитара и скрипка, слышался молодой смѣхъ, шутки.

VII.

Отставка. — Поѣздка за границу. — Лѣто въ Бояркѣ. — Ялта. — Ухудшеніе болѣзни.— Смерть. — Похороны.

Наступило лѣто; пышно расцвѣла природа, а больной Надсонъ неподвижно лежалъ въ постели, въ душной петербургской комнатѣ на заднемъ дворѣ... У него открылась сквозная рана въ боку, что часто бываетъ у чахоточныхъ. Это принудило его оставить Кронштадтъ и серьезнѣе полѣчиться...

Онъ лежалъ одинокій, измученный, пока, кое-какъ оправившись, не нашелъ возможнымъ вернуться обратно въ полкъ. Но поэтъ не переставалъ ѣздить въ Петербургъ во всякую погоду въ холодномъ пальто, и этимъ только ухудшилъ положеніе своего здоровья.

Наконецъ, Надсону удалось оставить военную службу: ему предложили мѣсто секретаря въ редакціи газеты „Недѣля“. Лѣто онъ провелъ на дачѣ у А. Н. Плещеева, на станціи Сиверской. Но здоровье его съ каждымъ днемъ становилось хуже. Его немедленно посылали за границу, на югъ Франціи. Но откуда достать средствъ? Друзья

поэта принялись дѣятельно хлопотать. „Общество для вспомоществованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“ дало ему возможность поѣхать.

Больного поэта сопровождала извѣстная писательница М. В. Ватсонъ, такъ какъ доктора находили невозможнымъ отпустить его одного. Съ этихъ поръ она сдѣлалась ангеломъ-хранитель Надсона,—ухаживала за нимъ во все время его тяжелой болѣзни, потребовавшей трехъ операцій (у него была фистула на ногѣ), утѣшала его въ минуты тревогъ и унынія и оставалась возлѣ него до послѣднихъ дней жизни...

Югъ, цвѣтущій, ароматный, чарующій, съ нѣжнымъ мягкимъ климатомъ только отдалилъ смерть. Поэтъ жилъ въ Ниццѣ, въ Ментонѣ, въ Бернѣ, лѣчился у лучшихъ докторовъ и все время тосковалъ о Россіи.

Вотъ какъ описываетъ онъ свое душевное состояніе:

Снова лунная ночь, только лунная ночь на чужбинѣ.
Весь облитъ серебромъ потонувшій въ туманѣ заливъ;
Синихъ горъ полукругъ наклонился къ цвѣтущей долинѣ,
И чуть дышетъ листва кипарисовъ, и пальмъ, и оливъ.
Я ушелъ бы бродить, — и бродить, и дышать ароматомъ,
Я-бъ на взморье ушелъ, гдѣ волна за волною шумитъ,
Гдѣ спускается берегъ кремнистымъ, сверкающимъ скатомъ,
И жемчужная пѣна каменья его серебритъ; —
Да не тянетъ меня красота этой чудной природы,
Не зоветъ эта даль, не пьянитъ этотъ воздухъ морской,
И какъ узникъ въ тюрьмѣ жаждетъ свѣта и жаждетъ свободы,
Такъ я жажду отчизны, отчизны моей дорогой.

Весною 1885 года появилось первое изданіе стихотвореній С. Я. Надсона. Поэтъ, вообще очень строго относившійся къ своему творчеству, писалъ въ Петербургъ изъ-заграницы, что „масса невозможно-слабыхъ вещей, которыя пришлось включить“ ужасно его огорчаютъ.

Но сборникъ былъ встрѣченъ публикой и критикой горячо, и имя Надсонъ сразу стало на ряду съ именами извѣстныхъ русскихъ писателей.

Жажда творчества не покидала поэта; больной и слабый, онъ мечталъ создать большую поэму „Три встрѣчи Будды“ и собралъ для нея матеріалъ.

Весною-же больному поэту стало хуже: на ногѣ появилось вновь нагноеніе, кашель, ночные поты и лихорадки, всѣ эти спутники чахотки— усилились. Предвидѣлась новая операція у швейцарскихъ хирурговъ. Но пока Надсонъ оставался въ Ментонѣ, въ семьѣ, среди которой онъ чувствовалъ себя хорошо, сдружившись съ хозяевами, шутилъ, дурачился и мечталъ о Россіи, а къ лѣту уѣхалъ въ Швейцарію. Въ срединѣ лѣта ему сдѣлали въ Бернѣ мучительную операцію, вызвавшую у него полный упадокъ силъ...

Тяжелое состояніе духа, боли, слабость, безденежье,—все это въ конецъ измучило больного поэта.

„Если бы вы знали, что за ужасъ сознавать, что у васъ нѣтъ будущаго,—говорилъ Надсонъ въ это время, — что даже на мѣсяцъ впередъ нельзя дѣлать плановъ. Подумайте, вѣдь я не книгу, не романъ читаю, это я, я самъ умираю...“

Онъ порою ясно сознавалъ, что смерть близка. Пришлось согласиться на предложеніе друзей и уѣхать осенью въ деревню, въ Подольскую губернію.

Въ январѣ 1885 года появилось въ свѣтъ второе изданіе стихотвореній С. Я. Надсона, а

черезъ два мѣсяца пришлось выпустить третье. Поэтъ мечталъ на деньги, вырученныя за книжки, уѣхать за границу. Деревня начинала ему сильно надоѣдать, и въ апрѣлѣ Надсонъ уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ расчитывалъ заняться газетною работой. Бездѣйствіе деревенской глуши измучило жаждавшаго дѣятельности поэта.

Въ Кіевѣ Надсонъ устроилъ вечеръ въ пользу „Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ". На вечерѣ онъ прочелъ нѣсколько своихъ стихотвореній. Успѣхъ былъ громадный; вызовамъ и апплодисментамъ не было конца... Молодежь вынесла поэта на эстраду на рукахъ...

Но волненія и хлопоты надломили и безъ того слабыя силы Надсона. Лихорадки его участились; опять показалась горломъ кровь. Пришлось снова уѣхать въ деревню... Оттуда онъ писалъ:

„У насъ весна въ полномъ цвѣту; на моемъ столѣ букетъ, окно отворено, изъ сада въ комнату врывается ароматъ, небо ясно, птицы щебечутъ, солнце свѣтитъ такъ ярко... А мнѣ все сдается, что въ послѣдній разъ я встрѣчаю весну!"

Впрочемъ, больной и слабый, онъ не переставалъ работать; вначалѣ іюня, перебравшись на дачу возлѣ Кіева, весь ушелъ въ газетную работу, ведя въ газетѣ „Заря" журнальное обозрѣніе.

А въ сентябрѣ, послѣ плеврита, Надсону пришлось все бросить и уѣхать по предписанію врачей въ Крымъ.

Но не помогъ и Крымъ... Жизнь поэта угасала...

Больного Надсона очень обрадовало полученное вскорѣ по пріѣздѣ въ Ялту извѣстіе, что ему

присуждена Академіей Наукъ Пушкинская премія въ 500 р. Несмотря на глубокую слабость, поэтъ продолжалъ работать, и въ ноябрѣ 1885 г.

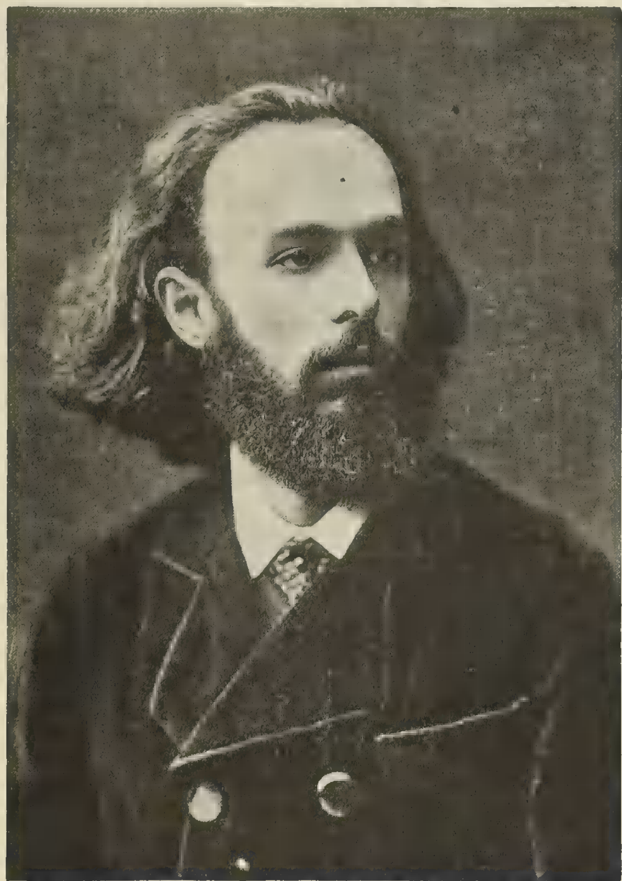


Рис. 7. Портретъ С. Я. Надсона.

написалъ двѣ строфы къ оставшемуся неоконченымъ стихотворенію, „На могилѣ Герцена".

Съ каждымъ днемъ больному становилось все хуже, и въ концѣ ноября онъ почувство-

валъ, что сталъ плохо владѣть лѣвой рукой и ногой. Надсонъ почувствовалъ близость конца и написалъ духовное завѣщаніе, по которому оставлялъ всю свою литературную собственность (сочиненія) „Обществу для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ“, пришедшему въ трудную минуту къ нему на помощь.

Поэтъ угасалъ... Но и въ послѣдніе дни своей жизни, невыносимо страдая, онъ сумѣлъ отдавать часть благородной души своей на заботы о братьяхъ-людяхъ, безпрестанно диктуя рекомендательныя письма къ знакомымъ, устраивая всѣхъ, обращавшихся къ нему за совѣтомъ и помощью, а часть даже и безъ всякихъ просьбъ, только по личному побужденію.

19 января окончилась эта прекрасная молодая жизнь, когда поэту было всего только 24 года.

Тѣло Надсона перевезли въ Петербургъ. На вокзалѣ ждала громадная толпа его почитателей. Хоронили его на Волковомъ кладбищѣ, гдѣ покоится много дорогихъ русскому сердцу писателей. Гробъ дружно подхватили на руки... Сотни молодыхъ голосовъ запѣли „Святый Боже...“

Надъ могилой были сказаны рѣчи; потомъ всѣ, молча, грустно разошлись...

Покойный поэтъ Я. П. Полонскій прекрасно сказалъ о Надсонѣ въ своемъ стихотвореніи, написанномъ на смерть его:

Онъ вышелъ въ сумерки. Прощальный
Лучъ солнца въ тучахъ догоралъ;
Казалось, факелъ погребальный
Ему дорогу освѣщалъ.
Въ темь надвигающейся ночи
Вперивъ задумчивыя очи,
Онъ видѣлъ — смерть идетъ...

Хотѣлъ
Тревоги сердца успокоить,
И хоть не могъ еще настроить
Всѣхъ струнъ души своей, — запѣлъ.
И былъ тотъ голосъ съ нервной дрожью,—
Какъ голосъ брата, въ часъ глухой
Подслушанъ пылкой молодежью
И чуткой женскою душой.

Четверть вѣка прошло съ тѣхъ поръ... Скромный деревянный крестъ на могилѣ юнаго поэта замѣненъ прекраснымъ памятникомъ работы извѣстнаго русскаго скульптора М. М. Антокольскаго.

Сочиненія С. Я. Надсона разошлись въ двадцати шести изданіяхъ (всего около двухсотъ тысячъ экземпляровъ), распространились по всей Россіи; они проникли въ самые темные, самые глухіе углы, всюду воспитывая любовь къ родинѣ, любовь къ человѣку, любовь къ добру, правдѣ и красотѣ.

Въ поэзіи Надсона всюду чувствуется глубокая грусть, всюду — скорбные образы. Такою видитъ онъ и горячо любимую родину:

Художники ее любили воплощать
Въ могучемъ образѣ славянки свѣтлоокой,
Склоненною на мечъ, привыкшій побѣждать,
И съ думой на челѣ, спокойной и высокой.
Осѣнена крестомъ, лежащимъ на груди,
Съ орломъ у сильныхъ ногъ и радостно сіяя,
Она глядитъ впередъ, какъ будто впереди
Обѣтованный рай сквозь сумракъ прозрѣвая.
Мнѣ грезится она иной: томясь въ цѣпяхъ,
Порабощенная, несчастная Россія,—
Она не на груди несетъ, а на плечахъ

Свой крестъ, свой тяжкій крестъ, какъ несъ его
Мессія.
Въ лохмотьяхъ нищеты, истерзана кнутомъ,
Покрыта язвами, окружена штыками,
Въ тоскѣ она на грудь поникнула челомъ,
А изъ груди, дымясь, струится кровь ручьями...

Восьмидесятые годы были мрачными годами застоя. Онъ самъ писалъ:

Наше поколѣнье юности не знаетъ,
Юность стала сказкой миновавшихъ лѣтъ,
Рано въ наши годы дума отравляетъ
Первыхъ силъ размахъ и первыхъ чувствъ расцвѣтъ.
Кто изъ насъ любилъ, весь міръ позабывая?
Кто не отрекался отъ своихъ боговъ?
Кто не падалъ духомъ, рабски унывая,
Не бросалъ щита передъ лицомъ враговъ?
Чуть не съ колыбели сердцемъ мы дряхлѣемъ,
Насъ томитъ безвѣрье, насъ грызетъ тоска...
Даже пожелать мы страстно не умѣемъ,
Даже ненавидимъ мы исподтишка!
О, проклятье сну, убившему въ насъ силы,
Воздуха, простора, пламенныхъ рѣчей,—
Чтобы жить для жизни, а не для могилы,
Всѣмъ біеньемъ нервовъ, всѣмъ огнемъ страстей!
О, проклятье стонамъ рабскаго безсилья!
Мертвыхъ дней унынья послѣ не вернуть!
Загоритесь взоры, развернитесь крылья,
Закипи порывомъ трепетная грудь!
Дружно за работу, на борьбу съ порокомъ,
Сердце съ братскимъ сердцемъ и съ рукой рука,—
Пусть никто не можетъ вымолвить съ упрекомъ:
„Для чего я не жилъ въ прошлые вѣка!“

Подъ давленіемъ обстоятельствъ общественные интересы были многими забыты, люди запуганы,

озлоблены, потеряли интересъ къ жизни и жили среди будничной дѣйствительности, не умѣя ни ярко радоваться, ни глубоко страдать. Пусто, мучительно было въ такой атмосферѣ чуткой душѣ поэта. Онъ говорилъ съ тоскою:

Я ихъ не назову врагами,
Но часто въ страхѣ я готовъ
Отъ нихъ, съ ихъ смѣхомъ и слезами,
Бѣжать, какъ узникъ отъ оковъ.
Я жить хочу, — хочу волненій,
Кипучихъ думъ, мятежныхъ грозъ,
Хочу безумныхъ наслажденій,
Борьбы и терній, мукъ и розъ.
Я жажду подвиговъ и дѣла,—
А жизнь, ихъ жизнь вокругъ меня
И замерла, и онѣмѣла,
Какъ сонный лѣсъ подъ зноемъ дня!
О, какъ мнѣ жалки ихъ тревоги,
И боль ихъ гнѣва и любви!
Какъ наторенной ихъ дороги
Скучны и узки колеи:
Какъ мало чувствамъ ихъ простора,
Какъ повѣсть жизни ихъ проста,
Какъ ширину ихъ кругозора
Стѣснила мысли нищета!

И измученный, тоскующій, жадно любящій жизнь и красоту подвига, онъ предупреждаетъ „путниковъ жизни“ не останавливаться на полдорогѣ:

Путь суровъ... Раскаленное солнце палитъ
Раскаленные камни дороги.
О горячій песокъ и объ острый гранитъ
Ты изранилъ усталыя ноги.

Изстрадалась, измучилась смѣлая грудь,
Истомилась и жаждой, и зноемъ,
Но не думай съ тяжелой дороги свернуть
И забыться позорнымъ покоемъ!

Дальше, путникъ, все дальше—впередъ и впередъ!
Отдыхъ послѣ,—онъ тамъ, предъ тобою...
Пусть подъ тѣнь тебя тихая роща зоветъ,
Наклонившись надъ тихой рѣкою;
Пусть весна разостлала въ ней мягкій коверъ
И сплела изъ вѣтвей изумрудный шатеръ;
И царитъ въ ней, любя и лаская,—
Дальше, дальше и дальше, подъ зноемъ лучей,
Раскаленный, безвѣстной дорогой своей,
Мимолетный соблазнъ презирая!

Страшенъ сонъ этой рощи, глубокъ въ ней покой:
Онъ такъ вкрадчивъ, такъ сладко ласкаетъ,
Что душа, утомленная скорбью больной,
Разъ уснувъ, навсегда засыпаетъ.
Въ этой чащѣ душистой дріада живетъ.
Чуть склонишься на мохъ ты, — съ любовью
Чаровница лѣсная неслышно прильнетъ
Въ полумглѣ къ твоему изголовью!...

И услышишь ты голосъ: „Усни, отдохни!...
„Прочь мятежные призраки горя!
„Позабудься въ моей благовонной тѣни,
„Въ тихомъ лонѣ зеленаго моря!
„Дологъ путь твой, — суровый, нерадостный путь...
„О, къ чему обрекать эту юную грудь
„На борьбу, на тоску и мученья.
„Другъ мой! Ввѣрься душистому бархату мха:
„Эта роща вокругъ такъ свѣжа и тиха,
„Въ ней такъ сладки минуты забвенья!“

Рис. 8. С. Я. Надсонъ въ гробу. (Скончался 19 января 1887 г.).

Ты, я знаю, силенъ:—ты безстрашно сносилъ
И борьбу, и грозу, и тревоги,—
Но сильнѣе открытыхъ, разгнѣванныхъ силъ
Этотъ тайный соблазнъ полдороги...
Дальше-жъ, путникъ!... Повѣрь, лишь ослабитъ тебя
Мигъ отрады, мигъ грезъ и покоя,—
И продашь ты все то, что ужъ сдѣлалъ, любя,
За позорное счастье застоя!...

Самымъ страшнымъ врагомъ свободы онъ считаетъ привычку, способность мириться со всякими обстоятельствами:

Есть у свободы врагъ опаснѣе цѣпей,
Страшнѣй насилія, страданья и гоненья;
Тотъ врагъ неотразимъ, онъ — въ сердцѣ у людей,
Онъ — всѣмъ врожденная способность примиренья.
Пусть цѣпь раба тяжка... Пусть мощная душа,
Тоскуя подъ ярмомъ, стремится къ лучшей долѣ,
Но жизнь еще вокругъ такъ чудно-хороша,
И въ ней такъ много благъ и кромѣ гордой воли!

Надсонъ и тогда уже чувствовалъ необходимость слиться съ толпой, съ народомъ; онъ глубоко понималъ, что истинный поэтъ долженъ быть и народнымъ поэтомъ:

Не презирай толпы: пускай она порою
Пуста и мелочна, бездушна и слѣпа,
Но есть мгновенія, когда передъ тобою
Не жалкая раба съ продажною душою,
А божество — толпа, титанъ — толпа!
Ты къ ней несправедливъ: въ часы ея страданій
Не шелъ ты къ ней страдать... Пѣвецъ ея и сынъ
Ты убѣгалъ ея проклятій и рыданій,
Ты издали любилъ, ты чувствовалъ одинъ!

Приди же слиться съ ней; не упускай мгновенья,
Когда болѣзненно отзывчива она,
Когда отъ пошлыхъ дѣлъ и пошлаго забвенья
Утратой тяжкою она потрясена!

На чемъ же можно было отдохнуть въ то время? Гдѣ можно было достать новой энергіи, новой вѣры въ добро, новой жажды подвига? По мнѣнію Надсона, все это могла дать поэзія:

Если душно тебѣ, если нѣтъ у тебя
Въ этомъ мірѣ борьбы и наживы,
Никого, кто бы могъ отозваться, любя,
На сомнѣнья твои и порывы;
Если въ сердцѣ твоемъ оскорбленъ идеалъ,—
Идеалъ человѣка и свѣта,—
Если честно скорбишь ты и честно усталъ,—
Отдохни надъ страницей поэта.

Въ стройныхъ звукахъ своихъ вдохновенныхъ рѣчей,
Чуткій къ каждому слову мученья,
Онъ разскажетъ тебѣ о печали твоей,
Но разскажетъ, какъ братъ, безъ глумленья;
Онъ подниметъ угасшую вѣру въ тебѣ,
Онъ разгонитъ сомнѣнья и муку,
И протянетъ тебѣ, въ непосильной борьбѣ
Безкорыстную, братскую руку...

Больной тѣломъ, страдающій душой, юный поэтъ горячо вѣрилъ въ лучшее будущее, жадно звалъ его, жадно ждалъ его прихода. Онъ говорилъ горячо:

Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ,
Кто-бъ ты ни былъ, не падай душой:
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей,

Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ
И струится невинная кровь:
— Вѣрь, настанетъ пора и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь!

Рис. 9. Могила С. Я. Надсона въ ея первоначальномъ видѣ.

Не въ терновомъ вѣнкѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ,—
Въ міръ придетъ она въ силѣ и славѣ своей,
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.

И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣстной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.

О, мой другъ! Не мечта этотъ свѣтлый приходъ,
Не пустая надежда одна.
Оглянись:—зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететъ,
Ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна!
Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой,—
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви,
Очи, полныя скорбной мольбой!...

Онъ умеръ, не увидѣвъ обѣтованной земли, не увидѣвъ общественнаго подъема, проснувшагося интереса къ жизни, радости жизни и той свѣтлой бодрости, которыя приходили къ намъ, придутъ и еще...

Иныя условія жизни воспитали и иные характеры у молодежи, но еще долго, долго будетъ трогать сердца скорбная муза Надсона, долго будутъ звучать его благородные призывы...

Самъ Надсонъ далеко не переоцѣнивалъ себя и свои силы. Онъ сознавалъ, что для жизни нужны борцы, нужны „огненныя слова", которыхъ не могъ онъ дать и съ тоской говорилъ:

О, еслибъ огненное слово
Я въ даръ отъ музы получилъ,
Какъ безпощадно-бъ, какъ сурово
Порокъ и злобу я клеймилъ!
Я-бъ поднялъ всѣхъ на бой со мглою,
Я-бъ знамя свѣта развернулъ
И въ міръ бы пѣснею живою
Стремленье къ истинѣ вдохнулъ!

Какимъ бы смѣхомъ я смѣялся,
Какой слезой бы прожигалъ!...
Опять-бы надъ землей поднялся
Святой, забытый идеалъ.

Рис. 10. Памятникъ С. Я. Надсона на Волковомъ кладбищѣ.

Міръ испугался-бъ и проснулся
И, какъ преступникъ, задрожалъ!
И на былое оглянулся
И робко приговора ждалъ!

И въ этомъ грозовомъ молчаньи
Гремѣлъ бы смѣлый голосъ мой,
Звуча огнемъ негодованья,
Звеня правдивою слезой!..

Мнѣ не дано такого слова...
Безсиленъ слабый голосъ мой,
Моя душа къ борьбѣ готова,
Но нѣтъ въ ней силы молодой...
Въ груди — безплодное рыданье,
Въ устахъ — мучительный упрекъ,
И давитъ сердце мнѣ сознанье,
Что я — я рабъ, а не пророкъ!

Но поэтъ могъ и хотѣлъ дать то, чего такъ не хватало ему самому въ жизни: ласку участья, горячее сочувствіе обездоленнымъ, привѣтъ ободренія грустнымъ, согнувшимся подъ бременемъ жизни. Задушевно звучалъ его голосъ:

Милый другъ, — я знаю, я глубоко знаю,
Что безсиленъ стихъ мой, блѣдный и больной;
Отъ его безсилья часто я страдаю,
Часто тайно плачу въ тишинѣ ночной...
Нѣтъ на свѣтѣ мукъ сильнѣе муки слова:
Тщетно съ устъ порой безумный рвется крикъ,
Тщетно душу сжечь любовь порой готова:
Холоденъ и жалокъ нищій нашъ языкъ!

Радуга цвѣтовъ, разлитая въ природѣ,
Звуки стройной пѣсни, стихшей на струнахъ,
Боль за идеалъ и слезы о свободѣ, —
Какъ ихъ передать въ обыденныхъ словахъ?
Какъ безбрежный міръ, раскинутый предъ нами,
И душевный міръ, исполненный тревогъ,
Жизненно набросить робкими штрихами
И вмѣстить въ размѣры тѣсныхъ этихъ строкъ?

Но молчать, когда вокругъ звучатъ рыданья
И когда такъ жадно рвешься ихъ унять,—
Подъ грозой борьбы и предъ лицомъ страданья...
Братъ,—я не хочу, я не могу молчать!
Пусть я, какъ боецъ, цѣпей не разбиваю,
Какъ пророкъ—во мглу не проливаю свѣтъ:
Я ушелъ въ толпу, и вмѣстѣ съ ней страдаю,
И даю, что въ силахъ—откликъ и привѣтъ...

И пока въ человѣкѣ будутъ живы лучшія чувства, пока будетъ у него стремленіе къ красотѣ и идеалу, не умретъ и имя поэта — страдальца С. Я. Надсона.

Не говорите мнѣ: онъ умеръ,—онъ живетъ!...
Пусть жертвенникъ разбитъ,—огонь еще пылаетъ;
Пусть роза сорвана,—она еще цвѣтетъ;
Пусть арфа сломана,—аккордъ еще рыдаетъ!...

КАТАЛОГЪ

книгоиздательства „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“.

ПЕТРОГРАДЪ.

Фонтанка, д. 38, кв. 19. Тел. 227-42.

КАТАЛОГИ, ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНІЮ, ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Дѣтская Библіотека.

га 1-ая.

Что разсказывала мама

полезныхъ вещахъ, которыя были у дѣтей въ комнатѣ.

Разсказы для младшаго возраста. Съ англійскаго передѣлала *В. М. Ве-ткина.* Изданіе третье съ 52 рисунками въ текстѣ.

Содержаніе: Почему мама стала разсказывать.—Губка.—Мыло.—Шерсть.—менный уголь. — Фарфоръ. — Чай. — Сахаръ. — Письмо. — Соль. — Пробка. —экло.—Хлѣбъ.—Масло.—Бумага.—Медъ.—Свѣчи.—Шелкъ. — Иголка.— Нитки.—говицы.

Второе изданіе ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Про-щенія допущено въ ученическія библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ. вѣдомленіе отъ 11 іюня 1910 г. за № 16849).

Допущена въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, нахо-дящихся въ вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи. (Увѣдомленіе отъ января 1913 г. за № 2346).

О выходѣ книги „Что разсказывала мама" Главное Управленіе Военныхъ бныхъ заведеній объявило въ циркулярѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ вѣдомленіе отъ 16 февраля. 1911 г. за № 3588).

Цѣна въ изящной, въ нѣсколько красокъ отпечатанной обложкѣ— **к.** Въ папкѣ—**95 к.** Въ роскошн. переплетѣ—**1 р. 30 к.**

га 2-ая.

ГОСПОДИНЪ ТОПОТУНЪ.

реводъ съ французскаго *Е. Д. Хирьяковой.* Изданіе второе. Съ 12 рисунками въ текстѣ.

Содержаніе: 1. Четвертая елка.—2. Фунтъ печенья.—3 Докторъ Топотунъ.—Въ школѣ.—5. Маленькій оселъ превращается въ цыпленка.—6. Двоюродный гъ Ниты.—7. Топотунъ женится.—8. Топотунъ превращается въ котенка.—Дѣйствительная исторія.

Учебнымъ Комитетомъ вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи брена для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заве-ій и въ библіотеки младшаго возраста средникъ учебныхъ заведеній этого омства. (Увѣдомленіе отъ 26 іюня 1912 г. за № 16769).

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній допущена въ библіо-и приготовительныхъ школъ и въ библіотеки I и II классовъ кадетскихъ пусовъ. (Увѣдомленіе отъ 3 мая 1911 г., за № 9359).

Цѣна въ изящной, въ нѣсколько красокъ отпечат. обложкѣ— **уб. Въ папкѣ—1 р. 25 к.** Въ роскошн. переплетѣ—**1 руб. 60 коп.**

Книга 3-ья. М. В. НОВОРУССКІЙ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ МАЛЬЧИКА МЕНЬШЕ ПАЛЬЧИКА

Изъ жизни насѣкомыхъ.

Съ 8 рисунками, отпечатанными въ краски, и 7—черными въ текстѣ.

Рисунки и обложка художника *Як. Чахрова.*

Содержаніе: 1. Мое превращеніе и первая встрѣча.—2. Я выѣзжаю по в духу и попадаю подъ землю.—3. Верхомъ на чудовищѣ и кувыркомъ черезъ наву.—4. Я плаваю по водамъ и вижу, какъ изъ воднаго животнаго дѣлается в душное.—5. Ни крокодилъ, не бегемотъ; живетъ въ водѣ и летаетъ по воздуху 6. По водамъ, какъ по суху, и на волосокъ отъ смерти.—7. Послѣднее чудови и я летаю по поднебесью.—8. Парусныя лодки, изящныя яйца и противные черви 9. Я направляюсь къ дому; не то бомба, не то черепаха.—10. Я дома, и все объясняет

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книж допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ. (Увѣдомленіе о 27 іюня 1911 г., за № 20799).

Допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, находящихся вѣдомствѣ Императрицы Маріи. (Увѣдомленіе отъ 29 января 1913 года, № 2346).

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній книжка рекомен вана для библіотекъ приготовительныхъ школъ I и II классовъ кадетск корпусовъ. (Увѣдомленіе отъ 3 мая 1911 г., за № 9359).

Цѣна — въ обложкѣ, отпечатанной въ нѣсколько красокъ, **1 р. 50 к.**, въ папкѣ—**1 р. 75 к.** Въ роскошномъ переплетѣ—**2 р. 1**

Книга 4-ая. Н. и Е. ЕЛЬМАНОВЫ.

У НАСЪ СВОЙ САДИКЪ.

Разсказы для младшаго возраста. Съ 48 рисунками въ текстѣ.

Обложка и рисунки художника *Оскара Клевера.*

Содержаніе: 1. Цвѣтущій садикъ зимой.—2. Посѣвъ сѣмянъ.—3. Цвѣточ клумбы.—4. Грядка для овощей.—5. Какъ изъ сѣмени выростаетъ растеніе.—6. К бень.—7. Цвѣтокъ—8. Клубника.—9. Малина.

Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ завденій книжка допущ въ библіотеки приготовительныхъ классовъ и въ ротныя I—II классовъ детскихъ корпусовъ. (Циркуляръ по в.-у. з. 1914 г., № 14).

Цѣна въ обложкѣ, отпечатанной въ нѣсколько красокъ—**50** въ папкѣ—**75 коп.**; въ роскошномъ переплетѣ—**1 руб. 10 коп.**

Книга 5-ая. ГАЛИНА.

ПѢСНИ ПРИРОДЫ

Съ многочисленными рисунками.

Содержаніе: Январь.—Новый годъ.—Подъ новый годъ.—Новый годъ Съ новымъ годомъ.—Февраль.—Иней.—Старикъ-Снѣговикъ.—Зимняя ночь Ожиданіе.—Поскорѣй-бы!—Мартъ.—Снѣгуръ.—Весенніе мотивы.—„Я иду... встрѣчу вѣтеръ..."—Апрѣль.—Весной.—„Здравствуй праздникъ жизни... „О чемъ ты плачешь, старая сосна..."—Смерть Снѣгура.—Солнышко вышл грѣетъ.—Солнце и зима.—Подснѣжникъ.—Май.—Весной повѣяло.—Ландыш Весна въ городѣ.—Въ маѣ.—Роза.—Мотылекъ.—„Бросьте ваши капканы и сѣти... Черемуха.—„Цвѣты свои лиловые..."—Іюнь.—Пѣсня соловья.—На зарѣ—„К

жизнь я щажу..."—Гроза.—Мое царство.—Утро въ лѣсу.—Сказка лѣса.—
ь.—Въ травѣ.—Моя пѣсня.—Во ржи.—Мотылекъ.—Грибы.—Лѣтній дождикъ.—
дъ грозой.—На кладбищѣ.—Въ вагонѣ.—Августъ.—Лучъ.—„Шепчетъ вѣ-
ь осенній березкѣ печальной..."—„Первый желтый листокъ на березѣ мель-
лъ..."—„Сегодня небо голубое..."—Колыбельная пѣсня.—Осень.—Сентябрь.—
итаились грустно птицы..."—„Пожелтѣли тополя..."— Осенняя пѣсня.— „Все
мое въ слезахъ.."—Шарманщикъ.—Осень въ лѣсу.—Октябрь.—„Смѣйся,
ребенокъ милый..." — „Долго плакалъ старый лѣсъ..."—Начало зимы. —
ябрь. — Зима и морозъ. — Снѣжинка. — Снѣгуръ.—Декабрь.—Въ сочель-
ь.—„Погашены свѣчи..."—Мать и дочь.—Греза.—„Всюду елки—зелень всюду..."—
му коту.

Цѣна въ обложкѣ, отпечатанной въ нѣсколько красокъ—**1 руб.**
папкѣ—**1 руб. 25 коп.** Въ роскошномъ переплетѣ—**1 руб. 70 коп.**

га 6-ая. АЛ. АЛТАЕВЪ.

„СДѢЛАЙТЕ САМИ".

рникъ веселыхъ разсказовъ, стиховъ, занятій, загадокъ, ребусовъ, загадочныхъ картинокъ, игръ.

Для младшаго возраста.

Вырѣзаніе изъ бумаги. — Лѣпка.—Работы изъ снѣга. — Сгибаніе (деревня бумаги).—Подарки.—Елочныя украшенія.—Рисованіе.—Вышиваніе по бумагѣ.—
оты изъ фруктовъ и еловыхъ шишекъ. — Разрисованіе яицъ. — Работы изъ
ки и моха.—Склеиваніе фонариковъ. — Работы изъ папки.—Работы изъ спи-
.—Работы изъ спичекъ и гороха. — Плетеніе. — Работы изъ цвѣтовъ и
ьевъ.—Тѣни.—Загадочныя картинки.—Ребусъ.—Смѣшныя картинки.—Стихи.—
казы.—Игры.—Загадки.

Цѣна въ обложкѣ **1 р.** Въ папкѣ—**1 р. 25 к.** Въ роскошномъ
еплетѣ—**1 р. 60 к.**

га 7-ая. Л. Н. МОДЗАЛЕВСКІЙ.

Для дѣтей.

Сборникъ стишковъ.

Портретъ автора.

Содержаніе: Біографія.—**Стишки:** Борзый конь.—Пастушокъ. — Мотылекъ.—
ь липой.—Въ лѣсу.—На свободѣ.—Рыбка.—Прогулка.—Цвѣты.—Приглашеніе
школу.—Кончилъ дѣло—гуляй смѣло! — Времена года.—Ожиданіе весны.—По-
ніе весны.—Весной.—Жаворонокъ.— Въ маѣ.—Соловей. — Жаворонокъ.—Лѣ-
.—Моя родина.—Цыганскій таборъ.—Воробьи. — Лѣтомъ.—Осенью.— Утро.—
нняя пѣсня.—Утромъ.—Къ солнцу.—Вечерняя пѣсня. — Вечернее солнце.—
ръ.—Пѣсня.

Цѣна въ бумажкѣ—**30 коп.**, въ папкѣ—**55 коп.**, въ роскош-
ь переплетѣ—**95 коп.**

га 8-ая. Борисъ Лазаревскій.

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Цѣна въ бумажкѣ — **30 коп.**, въ папкѣ — **55 коп.**, въ ро-
шномъ переплетѣ—95 коп.

Библіотека для юношества.

Книга 1-ая. САЗЕРАКЪ-ДЕ-ФОРЖЪ.

Человѣкъ сталъ летать.

Прошлое, настоящее и будущее авіаціи. Съ 35 рисунками и съ прило ніемъ краткаго словаря терминовъ авіаціи. Переводъ съ французскаго *В. I женцева.*

Содержаніе: I. *Вчера и сегодня.*—1. Орнитоптеры.—2. Геликоптеры.—3. А планы.—II. *Проблема авіаціи.*—1. Воздухъ.—2. Моторъ.—3. Устойчивость.—4. По емъ и спускъ.—III. *Будущее авіаціи.*—1. Военное дѣло.—2. Торговля.—3. Спорт 4. Вѣкъ авіаціи.—*Приложеніе.* Краткій словарь терминовъ воздухоплаванія.

Главное Управленіе военно-учебныхъ заведеній допустило эту книж въ ротныя библіотеки III—V классовъ кадетскихъ корпусовъ. (Увѣдомл отъ 16 февраля 1911 г., за № 3588).

Цѣна—въ изящной обложкѣ, отпечатанной въ двѣ краски **65 коп.** Въ переплетѣ—**1 руб. 15 коп.**

Книга 2-ая. ГЕРМ. ВАГНЕРЪ.

Въ полѣ и на лугу.

Разсказы о разныхъ растеніяхъ и камняхъ. Переводъ съ нѣм каго *В. М. Величкиной.* Изданіе второе. 94 рисунка въ текстѣ.

Содержаніе: Въ полѣ.—Полевой кузнечикъ и другіе маленькіе гости хл наго поля.—Сорныя травы въ хлѣбныхъ поляхъ.—Полевыя мыши.—Картофел Жаворонокъ и его товарищи въ полѣ.—Сѣрый заяцъ.—Хищныя полевыя птиц Цвѣты на полевой межѣ.—Царица шмелей и ея народъ.—Хорекъ.—Луго травы.—Какъ бабочка приготовляетъ свою одежду.—Торфяной мохъ въ болотах Водяная лилія.—Саламандра.—Двустворчатая раковина.—Полевой камень.—К произошли хлѣбныя поля.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія включ въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи безплатныхъ родныхъ читаленъ и библіотекъ. (Увѣдомленіе отъ 16 декабря 1910 г за № 35153).

Допущена въ безплатныя народныя читальни, находящіяся въ вѣд ствѣ Императрицы Маріи. (Увѣдомленіе отъ 29 января 1913 г., за № 23

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендована въ бліотеки приготовительныхъ школъ и младшихъ классовъ кадетскихъ корпус (Увѣдомленіе отъ 26 января 1911 года, за № 1931).

Цѣна въ изящной, въ нѣсколько красокъ отпечатанной ложкѣ—**65 коп.** Въ папкѣ—**85 коп.** Въ роскошн. перепл.—**1 руб. 15**

Книга 3-ья. ГЕРМАНЪ ВАГНЕРЪ.

Разсказы о разныхъ замѣчательныхъ растеніяхъ

Переводъ съ нѣмецкаго *В. М. Величкиной.* Изданіе второе. 52 рисунка въ текстѣ.

Содержаніе: Самая большая трава.—Откуда взялся резиновый мячъ.—П сень.—Кактусъ и кошениль.—Финиковая роща въ пустынѣ.—Исполинская в росль.—Индійскій удавъ-дерево.—Камышъ-великанъ.—Моховой садикъ у эски совъ.—Сахарный тростникъ.—Исполинскіе цвѣты острова Суматры.—Рисъ.—С ла.—Папирусъ въ древности.—Медовая западня.—Хлопчатая бумага.—Кирказон комаръ.—Цвѣты-переселенцы.—Хлѣбное дерево.—Великаны въ Калифорніи.—В

я роза.—Плотоядныя растенія.—Белладонна.—Ваниль.—Самый большой овощъ.—тосъ и водяной орѣхъ.—Красильная кравка или краппъ.—Индійская смоковница.—роново дерево и тарро.—Красный снѣгъ.—Хлѣбныя растенія.—Дѣтская комната цвѣтовъ.—Изъ чего дѣлаются панамскія шляпы.—Что можно сдѣлать изъ тыквенной скорлупы.—Собираніе хинной корки.—Объ Адамовомъ яблокѣ.—Самыя льшія деревья и постройки.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а также включена въ исокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи безплатныхъ народ-хъ читаленъ и библіотекъ. (Увѣдомленіе отъ 16 декабря 1910 г., за № 35155).

Допущена въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а кже для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ, находящихся въ домствѣ Императрицы Маріи. (Увѣдомленіе отъ 29 января 1913 г., за № 2346).

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендована въ библіотеки приготовительныхъ школъ и младшихъ классовъ кадетскихъ корпусовъ. вѣдомленіе отъ 26 января 1911 года, за № 1931).

Допущена въ библіотеки церковныхъ школъ. (См. Журналъ училищнаго вѣта при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 13—21 февраля 1912 г., за № 81).

Цѣна въ изящной, въ нѣсколько красокъ отпечатанной обжкѣ—**65 к.** Въ папкѣ—**85 к.** Въ роскошномъ переплетѣ—**1 р. 15 к.**

Книга 4-ая. В. М. ВЕЛИЧКИНА.

Швейцарія.

вейцарскія горы; швейцарскіе города и деревни; жизнь швейцарскаго народа. Изданіе второе. **70** рисунковъ въ текстѣ.

Содержаніе: На Боденскомъ озерѣ.—На Рейнѣ.—Въ царствѣ высокаго Сен-са.—Пастушеская жизнь въ Швейцаріи.—Цюрихское озеро.—Фирвальдштетское ро.—Бернскій Оберландъ.—Столица Швейцаріи.—Бернъ.—По берегу Женевскаго ра.—Женева.—Долина Валлисъ.—На Готтардской дорогѣ.—По другую сторону ьпъ.—Граубюнденъ.

Первое изданіе Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Про-ьщенія допущено въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Допущена въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, нахо-щихся въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи. (Увѣдомленіе отъ 29 января 3 г., за № 2346).

Цѣна въ изящн., въ нѣсколько красокъ отпечат. обложкѣ—**80 к.** папкѣ—**1 руб.** Въ роскошномъ переплетѣ—**1 руб. 30 коп.**

Книга 5-ая. А. М. ХИРЬЯКОВЪ.

Въ смертельной опасности

И ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ.

Съ **14** рисунками въ текстѣ.

Обложка художника *Як. Чахрова.*

Содержаніе: Въ смертельной опасности.—Пещера.—Бѣлый невольникъ.—Въ ряхъ сѣвера.—На границѣ Азіи.—Праздникъ.

Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній допустило эту книжку ротныя библіотеки III—V классовъ кадетскихъ корпусовъ. (Справка: Цирк. в.-у. з. 1913 г. № 89).

Цѣна въ изящн., въ нѣсколько красокъ отпечат. обложкѣ—**65 к.** папкѣ—**85 коп.** Въ роскошномъ переплетѣ—**1 руб. 15 коп.**

Книга 6-ая. ГЕКТОРЪ МАЛО.

Приключенія Ромена Кальбри.

Переводъ съ французскаго *Е. Д. Хирьяковой.* Второе изданіе.
Съ **17** рисунками въ текстѣ.

Содержаніе: Моя родина.—Индійскій дядя.—Роковая буря.—Опасная гулка.—Я поселяюсь у де-Бигореля.—Дядя Симонъ.—Я убѣгаю отъ дяди.—Я правляюсь путешествовать. — Лишаюсь послѣдняго достоянія. — Я поступаю циркъ.—Наши успѣхи и неудачи.—Бѣгство.—Попытка сдѣлаться морякомъ.—гополучное возвращеніе.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допу въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній. (Увѣдомленіе 11 февраля 1913 г., за № 6227).

Допущена въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, н дящихся въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи. (Увѣдомленіе отъ 29 ян 1913 г., за № 2346).

Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній допустило эту кни въ ротныя библіотеки I—II классовъ кадетскихъ корпусовъ. (Справка: Ц по в.-у. з. 1913 г., за № 8).

Цѣна въ изящной, въ нѣсколько красокъ отпечатанной ложкѣ—**1 руб.** Въ папкѣ—**1 руб. 20 коп.** Въ роскошномъ переплет **1 руб. 50 коп.**

Книга 7-ая. И. С. АБРАМОВЪ.

Что говорятъ забытыя могилы

Подъ редакіцей и съ предисловіемъ *М. В. Новорусскаго.*
67 рисунковъ въ текстѣ.
Обложка художника *Н. Е. Макаренко.*

Содержаніе: Предисловіе М. Новорусскаго.—Незапамятныя времена. — янки каменнаго вѣка.—Долмены.—Катакомбы.—Курганы.—Скиѳскія могилы.—К мы раскапывали курганъ въ Кубанскихъ степяхъ.—Игрушки дѣтей, жившихъ лѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ въ предѣлахъ Южной Россіи. — Камен бабы.—Городища.—Исчезнувшія царства и города. — Заключеніе. — Необходи указанія для изучающихъ памятники древности.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допу въ народныя библіотеки и читальни, а также въ библіотеки среднихъ у ныхъ заведеній. (Увѣдомленіе отъ 11 марта 1913 г., за № 11257).

Допущена въ народныя библіотеки и читальни, а также въ библіот и читальни среднихъ учебныхъ заведеній, находящихся въ вѣдомствѣ И ратрицы Маріи. (Увѣдомленіе отъ 29 января 1913 г., за № 2346).

Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній допустило эту кни въ ротныя библіотеки военныхъ училищъ, а также въ библіотеки VI—VIII к совъ кадетскихъ корпусовъ. (Справка: Цирк. по в.-у. з. 1913 г., № 8).

Цѣна въ изящной, въ нѣсколько красокъ отпечатанной ложкѣ—**65 коп.** Въ папкѣ—**85 коп.** Въ роскошномъ переплет **1 руб. 15 коп.**

Книга 8-ая. В. МОЛЬДЕНГАУЕРЪ.

ВЪ ХВОЙНОМЪ ЛѢСУ.

Разсказы молодого экскурсанта. **37** рисунковъ въ текстѣ.
Обложка и рисунки художника *Оскара Клевера.*

Содержаніе. 1. Наши первые сборы.—2. Въ обществѣ хвойныхъ.—3. Лѣ барабанщикъ.—4. Зеленые великаны и ихъ молодежь. — 5. Жители полумра

Колючій звѣрекъ.—7. Покровъ лѣса.—8. Станъ въ лѣсу и неожиданный посѣтель.—9. Нѣмая борьба. — 10. Роковой прыжокъ. — 11. Сколько лѣтъ дереву?— . Ложная тревога или хитрый жукъ.—Лѣсныя письмена.—Возвращеніе.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена ученическія библіотеки городскихъ, по Положенію 1872 г., училищъ и внена въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. (Увѣдомленіе отъ 24 іюня 1913 г., за № 31398).

Допущена въ ученическія библіотеки учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, находящіяся въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи. (Увѣдомленіе отъ 29 января 1913 г., за № 2346).

Ученымъ Комитетомъ Министерства Торговли и Промышленности рекомендована для ученическихъ библіотекъ коммерческихъ учебныхъ заведеній торгово-промышленнаго вѣдомства. (Увѣдомленіе отъ 9 марта 1914 г. за № 556).

Ученымъ Комитетомъ Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія допущена въ качествѣ учебнаго пособія для низшихъ учебныхъ заведеній, также признана заслуживающей вниманія при пополненіи библіотекъ тѣхъ же учебныхъ заведеній Министерства. (Увѣдомленіе отъ 15 марта 1914 г., за № 663).

Главное Управленіе военно-учебныхъ заведеній допустило эту книжку ротныя библіотеки для I—III классовъ кадетскихъ корпусовъ и для приготовительныхъ школъ. (Справка: Циркуляръ по в. у. з. № 34—1913 г.).

Цѣна въ изящной, въ нѣсколько красокъ отпечатанной обложкѣ—**65 коп.**; въ папкѣ—**85 коп**; въ переплетѣ—**1 р. 15 к.**

Книга 9-ая. И. С. АБРАМОВЪ.

ПОДЪ РОДНЫМЪ СОЛНЦЕМЪ.

Экскурсіи по Россіи. Съ **57** рис. въ текстѣ.

Обложка художника *Е. М. Сотникова.*

Содержаніе. 1. На Украйнѣ.—2. По Волынскому Полѣсью. — 3. Край Тараса Бульбы.—4. У Стародубскихъ слобожанъ.—5. Вѣтка и Вѣтковцы.—6. Въ Черемшанскихъ скитахъ. — 7. Въ Русскомъ Манчестерѣ. — 8. Въ Великорусской деревнѣ.— У курскихъ „саяновъ“. — 10. Волжскія легенды. — 11. Пѣшкомъ по Крыму. — 12. По Военно-Грузинской дорогѣ.

Приложеніе. I. Необходимыя указанія для изучающихъ этнографію Россіи.— Программа для собиранія этнографическихъ предметовъ. — III. Программа для собиранія произведеній народной словесности.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія признана заслуживающей вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. (Увѣдомленіе отъ 8 апрѣля 1914 г., за № 19374).

Допущена въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, находящихся въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи. (Увѣдомленіе отъ 29 января 1913 г., за № 2346).

Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній допустило эту книжку фундаментальныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ. (Справка: Цирк. по в. у. з. 1914 г., № 14).

Цѣна въ изящной, въ нѣсколько красокъ отпечатанной обложкѣ—**1 р.**; въ папкѣ—**1 р. 25 к.**; въ переплетѣ—**1 р. 50 к.**

Книга 10-ая. В. МОЛЬДЕНГАУЕРЪ.

Въ лиственномъ лѣсу.

Со многими рисунками.

Обложка и рисунки художника *Оскара Клевера.*

Содержаніе: Веселое утро —Первая остановка.—Смѣна породъ.—У лѣсника.—

Кудрявая красавица. — Въ осиновой рощѣ. — Прерванный завтракъ. — У рябин[illegible] Опасное животное.—Подлѣсокъ.—Маленькій акробатъ.—Безпокойная колонія.

Цѣна въ изящной, въ нѣсколько красокъ отпечатанной [illegible]ложкѣ **75 к.** Въ папкѣ —**95 к.** Въ роскошномъ переплетѣ — **1 р. 25**

Книга 11-ая. С. А. ПАВЛОВИЧЪ.

Ассистентъ Психо-Неврологическаго Института и Педагогическихъ курсовъ [illegible] Спб. Фребелевскомъ Обществѣ.

Простѣйшія работы по изготовленію зоологическихъ [illegible] ботаническихъ коллекцій въ школѣ и дома.

Краткое практическое руководство для начинающихъ натуралистовъ и пособіе [illegible] руководителей дѣтскими работами по естествознанію и ручному труду.

Съ 125 оригинальными рисунками въ текстѣ.

Содержаніе: I. Главные пріемы работы съ картономъ, бумагою, деревом[illegible] стекломъ. — II. Принадлежности для собиранія животныхъ (насѣкомыхъ и др.) [illegible] растеній.—III. Простѣйшіе способы ловли и консервированія животныхъ и собира[illegible] и сушки растеній.—IV. Расправленіе и другая предварительная обработка.—V. Р[illegible]личные способы устройства коллекцій по зоологіи и ботаникѣ: препараты сухіе, [illegible] спирту и формалинѣ; коллекціи насѣкомыхъ.—VI. Справочный указатель. Замѣт[illegible] для руководителей групповыми занятіями.

Цѣна въ обложкѣ, напечатанной въ нѣсколько красок[illegible] **85 к.**—Въ папкѣ **1 р. 10 к.**—Въ переплетѣ—**1 р. 60 к.**

Книга 12-ая. П. Н. СУРОЖСКІЙ.

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМЪ.

Со многими виньетками, фигурными буквами и заставками.

Содержаніе: Талисманъ.—Наша охота.—Находка.—Заповѣдный лѣсъ.—Перв[illegible] жертва.—Первый выходъ.—Наша нива.—Въ плѣну.—Въ пасхальную ночь.—Солов[illegible] и Коршунъ.

Цѣна въ изящной, въ нѣсколько красокъ отпечатанной о[illegible]ложкѣ—**65 к.**, въ папкѣ—**85 к.**, въ роскошномъ переплетѣ—**1 р. 15** [illegible]

Книга 13-ая. К. П. ЯГОДОВСКІЙ.

Въ странѣ полуночнаго солнца

Воспоминанія о Мурманской экспедиціи.

Обложка художника *К. Н. Фридберга.*

Въ текстѣ 152 рисунка, снятыхъ съ фотографій, сдѣланныхъ в[illegible] время экспедиціи, 4 карты и 8 рисунковъ, отпечатанныхъ въ дв[illegible] краски. Портретъ начальника экспедиціи Н. М. Книповича.

Содержаніе: Счастливый день.—Сборы.—Отъѣздъ въ Либаву.—„Андрей Перв[illegible]званный".—Море.—Копенгагенъ.—Христіанія.—Отъ Христіаніи до Трондьема.—От[illegible]

ондьема до Екатерининской гавани.—Екатерининская гавань.—Въ Териберкѣ.—въ наживки.—На шнякѣ.—Работа ботовъ.—Жизнь въ Териберкѣ.—На „Поморѣ".—Гаврилова.—Въ Гавриловѣ.—Акулы.—На „Андреѣ Первозванномъ".—Китъ.—берегу.—Маленькій рейсъ.—На островѣ Кильдинѣ.—Во льдахъ.—На новой лѣ.—Чешская губа.—Звѣриный промыселъ.—Возвращеніе.—Мурманъ зимою.—ключеніе.

Цѣна въ изящной, въ нѣсколько красокъ отпечатанной об-жкѣ—**2 руб. 50 коп.** Въ папкѣ—**2 руб. 80 коп.** Въ роскошномъ реплетѣ—**3 руб. 25 коп.**

іга 14-ая.

АЛ. АЛТАЕВЪ.

Поэты юности.

Со многими портретами и рисунками.

Обложка, заставки и концовки художницы *А. М. Петровой.*

Содержаніе: Василій Андреевичъ Жуковскій.—Пѣвецъ страданія и свободы Ю. Лермонтовъ).—Юноша поэтъ (Жизнь и творчество С. Я. Надсона).

Цѣна въ обложкѣ—**1 руб. 50 коп.** Въ папкѣ—**1 руб. 75 коп.** › роскошномъ переплетѣ—**2 руб.**

іга 15-ая.

П. Н. СУРОЖСКІЙ.

Степные огни.

Со многими виньетками, фигурными буквами и заставками.

Содержаніе: Водяная курочка.—На рыбной ловлѣ.—Памятная ночь.—Какъ акала лошадь.—Тихій воинъ.—За новую жизнь.—Левкино озеро.—Юлинька.—рвое крещеніе.—Дѣдушкина тайна.—Дядя Миша.—У чужихъ людей.—Баба очка.—Сеня.

Цѣна въ изящной, въ нѣсколько красокъ отпечатанной об-жкѣ—**65 к.**, въ папкѣ—**85 к.**, въ роскошномъ переплетѣ—**1 р. 15 к.**

іга 16-ая.

АЛ. АЛТАЕВЪ.

Внизъ по Волгѣ рѣкѣ.

Историческая повѣсть изъ русской жизни XVII вѣка.

Съ 21 рисункомъ въ текстѣ.

Обложка и рисунки художницы *А. М. Петровой.*

Содержаніе: Березовый Кереметь.—Удалые.—Постригъ.—Дань Волгѣ.—Передъ озой.—Астраханская гиль.—Всему бываетъ конецъ.

Цѣна въ обложкѣ, отпечатанной въ нѣсколько красокъ, **коп.; въ папкѣ—75 коп.; въ роскошномъ переплетѣ—1 руб.**

Книга 17-ая.

И. А. БУНИНЪ.

Храмъ солнца.

Со многими иллюстраціями.

Цѣна 1 руб. 50 коп. Въ папкѣ—**1 руб. 80 коп.** Въ роск
номъ переплетѣ—**2 руб. 25 коп.**

Книга 18-ая.

С. П. АРЖАНОВЪ.

Среди водъ и болотъ.

Изъ жизни растеній. Популярно-біологическіе очерки для самост
тельныхъ и школьныхъ экскурсій. Со многими рисунками въ текс

Содержаніе: Свободно-плавающія растенія (ряски, водокрасъ, тѣлорѣзъ,
зырчатка и др.).—Растенія дна (уруть, водяная сосенка, рдесты и др.).—Раст
съ плавающими листьями (кувшинка, кубышка, земноводная гречиха, рдесты, лют
и др.).—Растенія прибрежныя (тростники, камыши, рдесты, стрѣлолистъ, част
ежеголовка и мн. др.).—Общій обзоръ жизни водныхъ и болотныхъ растеній (д
ніе, питаніе, размноженіе).—Низшія растенія водъ (сальвинія, водоросли и др.).

Цѣна въ обложкѣ—**50 коп.,** въ папкѣ—**70 коп.** Въ роск
номъ переплетѣ—**1 руб.**

Книга 19-ая.

ЭРНЕСТЪ ТОМСОНЪ СЕТОНЪ.

ДИКІЯ ЖИВОТНЫЯ У СЕБЯ ДОМА.

Со многими рисунками въ текстѣ. Пер. съ англ. *В. Керженц*

Содержаніе: Изобрѣтательный Кайотъ.—Луговая собачка и ея родственник
Знаменитые пушные звѣри—лиса, куница, бобръ, выдра.—Рога, копыта и быст
ноги.—Летучія мыши въ кухнѣ дьявола.—Добродушная Вонючка.—Старый серебри
сѣрый барсукъ.—Бѣлка-Пушистый хвостъ и ея собратья.—Кролики и ихъ нрав
Призраки, появляющіеся у лагернаго костра.—Кошка малаго и большого размѣр
Большіе и маленькіе медвѣди.

Цѣна въ обложкѣ—**1 руб.** Въ папкѣ—**1 руб. 25 коп.** Въ роск
номъ переплетѣ—**1 руб. 50 коп.**

ига 20-ая. С. КАРАСКЕВИЧЪ.

САЙКА.

ѣна въ обложкѣ, отпечатанной въ нѣсколько красокъ—**50 коп.**; въ папкѣ—**75 коп.**; въ роскошномъ переплетѣ—**1 руб.**

ига 21-ая. О. РУНОВА.

РАЗСКАЗЫ.

Содержаніе: Иванъ Сѣрый.—Въ саду.—Пѣгая лошадка.—Алеша Синявинъ.

ѣна въ обложкѣ, отпечатанной въ нѣсколько красокъ—**65 коп.**; въ папкѣ—**75 коп.**; въ роскошномъ переплетѣ—**1 руб.**

Общедоступная библіотека.

нига 1-ая. В. М. ВЕЛИЧКИНА.

ДРУГЪ ДѢТЕЙ.

азсказъ о замѣчательномъ швейцарскомъ учителѣ Генрихѣ Песталоцци. Изданіе четвертое. Съ 4 рисунками въ текстѣ.

Второе изданіе Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Учебнымъ Комитетомъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи одобрена для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній этого вѣдомства. (Увѣдомленіе отъ 21 декабря 1910 г., за № 32343).

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній допущена въ фундаментальныя и ротныя библіотеки VI и VII классовъ кадетскихъ корпусовъ. Увѣдомленіе отъ 8 марта 1911 г., за № 5135).

Допущена въ библіотеки церковныхъ школъ. (См. Журналъ Училищн. Совѣта при Свят. Синодѣ отъ 10—18 октября 1911 г., за № 693).

Цѣна въ обложкѣ, отпечатанной въ нѣсколько красокъ—**20 коп.**

Книга 2-ая. Э. ВУРМЪ и В. АДЛЕРЪ.

Алкоголизмъ и рабочіе.

Переводъ съ нѣмецкаго **К. Михайловой. Цѣна 20 коп.**

Книга 3-ья. НИК. АНДРЕЕВЪ.

Человѣкъ и нечистая сила.

(Культ.-истор. очеркъ). Съ **13** рис. въ текстѣ. **Цѣна 20 коп.**

Книга 4 ая. Н. ШЕВЛЯГИНА.

Вода и ея значеніе для человѣка.

Съ **4** рисунками въ текстѣ. **Цѣна 20 коп.**

Книга 5-ая. М. ГОРЬКІЙ.

О ПИСАТЕЛЯХЪ-САМОУЧКАХЪ.

Цѣна 20 коп.

ига 6-ая. ВЛАД. БОНЧЪ-БРУЕВИЧЪ.

РОДНЫЯ ПѢСНИ.

Сборникъ стихотвореній Н. А. Некрасова, И. С. Никитина, Ю. В. Жадов-й, И. З. Сурикова, С. Дрожжина и др.

Съ 7-ью портретами. Изданіе 3-е. **Цѣна 15 коп.**

ига 7-ая. АЛ. АЛТАЕВЪ.

Пѣвецъ страданія и свободы.

(Жизнь М. Ю. Лермонтова).

Заставки и концовки художницы *А. М. Петровой.*

Содержаніе: Въ домѣ нелады.—Домъ опустѣлъ. — Забавы Миши. — Мечта-ль.—Товарищи. — Французъ Капе и Наполеонъ. — Стихи, мечты о героизмѣ. ндро и Франція.—Университетскій пансіонъ.—Середниково и обиды подростка.— сколъ души.—Новая жизнь.—Жизнь и поэзія.—Школа гвардейскихъ юнкеровъ.— изнь.—Послѣднія бури.

Книжка иллюстрирована портретами и картинами. **Цѣна 65 коп.**

ига 8-ая. АЛ. АЛТАЕВЪ.

Юноша-поэтъ.

(Жизнь и творчество С. Я. Надсона).

Заставки и концовки художницы *А. М. Петровой.*

Съ портретами. Второе изданіе, значительно переработано.

Содержаніе: Раннее дѣтство. — Петербургъ.—Поступленіе въ военную гим-зію.—Смерть матери.—Гимназическая жизнь.—Стихи. — Новое знакомство.— рвое напечатанное стихотвореніе. — Смерть Наташи. — Окончаніе гимназіи.— лѣзнь.—Кавказъ.—Знакомство съ Плещеевымъ.—Выпускъ въ офицеры.—Крон-адтъ.—Отставка.—Поѣздка за границу.—Лѣто въ Боярскѣ.—Ялта.—Ухушеніе лѣзни.—Смерть.—Похороны.

Цѣна 35 коп.

ига 9-ая. МАРІЯ КОНОПНИЦКАЯ.

Прометей и Сизифъ.

Переводъ *Е. и И. Леонтьевыхъ.*

Цѣна 20 коп.

Учебники.

Краткій Учебникъ Минералогі

для кадетскихъ корпусовъ и городскихъ училищъ.

Составилъ **А. П. Пинкевичъ.**

Преподаватель кадетскаго корпуса и учительской семинаріи въ Вольскѣ.

Учебникъ составленъ примѣнительно къ программамъ 1911 для кадетскихъ корпусовъ и дѣйствующимъ программамъ горо скихъ училищъ.

Оглавленіе. Глава первая. Краткія свѣдѣнія по химіи. Физичес и химическія явленія. Простое и сложное вещество. Кислородъ. Окислы, кисло щелочи. Водородъ. Азотъ. Углекислый газъ и углеродъ. Элементъ. Углевод Спирты, жиры и кислоты. Бѣлки. Хлоръ. Соляная кислота. Понятіе о соли. Сѣ Сѣрная кислота. Глава вторая. О минералахъ. Минералъ и горная поро Кварцъ, полевой шпатъ и слюда. Свойства минераловъ. Химическій составъ, кр сталлическая форма, спайность, изломъ, твердость, цвѣтъ, блескъ и прозрачнос удѣльный вѣсъ. Понятіе объ опредѣленіи минераловъ. Глава третья. Горны породы. Гранитъ. Изверженныя горныя породы. Базальтъ. Гнейсъ. Массивн и слоистыя горныя породы. Глава четвертая. Разрушеніе изверженны горныхъ породъ. Разрушающая дѣятельность воздуха и воды. Вывѣтрива Продукты разрушеніе. Песокъ и глина. Стекло и издѣлія изъ глины. Глава пят Созидательная дѣятельность воздуха и воды. Дюны, бархан лессъ. Дѣятельность воды. Песчаникъ. Глинистые сланцы. Поваренная соль и гипс Известняки. Известь и цементъ. Мраморъ и известковая туфъ. Глава шест Исторія земли. Осадочныя породы. Окаменѣлости. Значеніе окаменѣлост Горообразующіе процессы. Глава седьмая. Минеральные угли и нефт Сухая перегонка дерева. Продукты сухой перегонки дерева: свѣтильный га древесный спиртъ, уксусная кислота, скипидаръ, деготь и уголь. Торфъ, бурый каменный угли, антрацитъ. Графитъ и алмазъ. Нефть. Продукты перегонки неф бензинъ, керосинъ и нефтяные остатки. Глава восьмая. Почвы. Образова почвы. Составъ почвы. Анализъ почвы. Виды почвъ. Свойства почвъ. Строе почвы. Глава девятая. Металлы. Общая характеристика металловъ. Золо Платина. Серебро. Руды. Желѣзо. Добываніе чугуна. Сталь. Мѣдь. Цинкъ. Свинец Олово. Ртуть. Алюминій. **Цѣна 60 коп.**

КРАТКІЙ УЧЕБНИКЪ

Анатоміи и физіологіи растеній

(Въ связи съ біологіей).

Для кадетскихъ корпусовъ и городскихъ училищъ.

Составилъ *С. П. Аржановъ.*

Преподаватель Вольскаго кадетскаго корпуса.

Учебникъ составленъ примѣнительно къ программамъ 1911 для кадетскаго корпусовъ и дѣйствующимъ программамъ горо скихъ училищъ.

Оглавленіе. Введеніе. Общія понятія о клѣткѣ. **Глава первая.** С мена, ихъ проростаніе и устройство. **§ 1. Условія проростанія сѣмян**

.. Устройство сѣмянъ двудольныхъ растеній. § 3. Сѣмядоли и ихъ значеніе. . Превращенія крахмала въ сѣменахъ. § 5. Дыханіе прорастающихъ сѣмянъ. 6 и 7. Сѣмена однодольныхъ и голосѣменныхъ растеній. Глава вторая. Корень, о ростъ и дѣятельность. § 8. Ростъ корня. § 9. Зависимость роста корня земного тяготѣнія. § 10. Корневой чехликъ. 11. Положительный гидротромъ корня. § 12. Составъ растеній. § 13. Водныя культуры. § 14. Корневые воки. § 15. Осмозъ. § 16. Избирательная способность растеній. § 17. Тургоръ. 18. Кислыя выдѣленія корней. § 19. Азотное питаніе. 20. Корневая сила. ва третья. Листъ и его дѣятельность въ питаніи растеній. 1. Усвоеніе углерода. § 22. Ассимиляція и дыханіе. § 23. Роль хлорофилла и та при ассимиляціи. § 24. Образованіе крахмала. § 25. Значеніе ассимиляціи. 6. Полисадная ткань листа. Глава четвертая. Сосудистая система. Стель, какъ посредникъ между корнемъ и листомъ. § 27. Восходій и нисходящій токи питательныхъ веществъ. § 28. Ростъ стебля; образованіе и ройство сосудистой системы. § 29. Пути передвиженія питательныхъ веществъ. 0. Стебель однодольныхъ. § 31. Стебель однолѣтнихъ двудольныхъ. § 32. Стебель голѣтнихъ двудольныхъ. Годичные слои. § 33. Серцевина и серцевинные лучи. 4. Строеніе корня. § 35. Жилки листа. Глава пятая. Передвиженіе совъ. Испареніе воды листьями. § 36. Значеніе испаренія воды листьями. 7. Устьица. § 38. Листья растеній сухихъ и влажныхъ мѣстностей. Глава шестая. таніе грибовъ и насѣкомоядныхъ растеній. § 39. Питаніе грибъ. Паразиты и сапрофиты. § 40. Питаніе росянки, пузырчатки и діонеи-мухоки. Глава седьмая. Видоизмѣненіе корней, листьевъ и стеблей. дземные стебли и ихъ значеніе. § 41. Видоизмѣненія корня. 42. Видоизмѣненія листьевъ. § 43. Видоизмѣненія стеблей. § 44. Подземстебли. Глава восьмая. Вегетативное размноженіе растеній. 5. Размноженіе съ помощью подземныхъ стеблей. § 46. Размноженіе съ помощью земныхъ стеблей. § 47. Размноженіе черенками и отводками; прививка. Глава ятая. Цвѣтокъ, его части и ихъ назначеніе. § 48. Главныя части тка—тычинки и пестикъ. Понятіе объ опыленіи и оплодотвореніи. Глава десятая. ыленіе. § 49. Самоопыленіе и перекрестное опыленіе. § 50. Опыленіе вѣтротныхъ растеній. § 51, Цвѣты и опыленіе ржи, сосны и осины. § 52. Насѣкомотныя растенія. Значеніе околоцвѣтника. § 53. Опыленіе плакуна, кирказона, лфея и василька. Глава одиннадцатая. Оплодотвореніе. § 54. Оплодореніе, прорастаніе пыльцевой крупинки; образованіе зародыша и питательныхъ ществъ сѣмени. Глава двѣнадцатая. Плодъ и сѣмя. Приспособленіе разносу сѣмянъ. § 55. Различные виды плодовъ. § 56. Распространеніе довъ и сѣмянъ. § 57. Самозарываніе плодовъ и сѣмянъ въ почву. **Цѣна 60 коп.**

ПИНКЕВИЧЪ—АРЖАНОВЪ—ЯГОДОВСКІЙ.

Учебникъ естествознанія

для учительскихъ институтовъ и семинарій.

и составленіи учебниковъ были также приняты во вниманіе требованія временхъ программъ для испытаній *на званіе учителя и учительницы высшаго нальнаго училища,* утвержденныхъ Министромъ Народн. Просвѣщ. 18 дек. 1913 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Учебникъ химіи и геологіи. Сост. *А. Пинкевичъ.* Со многими рисунками. **на 1 руб. 50 коп.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Учебникъ ботаники. Сост. *С. Аржановъ.* Со многими рисунками. **Цѣна 1 руб. коп.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Зоологія. Сост. ***К. П. Ягодовскій.*** **Со многими рисунками. Цѣна 1 руб. 50 коп.**

Типографія П. П. Гершунина, Коломенская ул., д. № 43.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ"

Петроградъ, Фонтанка, д. 38, кв. 19. Тел. [illegible]

ЧТО РАЗСКАЗЫВАЛА МАМА о полезныхъ вещахъ, которые были у детей въ комнатѣ. Разсказы для младшаго возраста. Съ англійск. перевела *В. Величкина.* 52 рис. въ текстѣ. Ц. 70 к. Въ папкѣ—95 к. Въ переплетѣ 1 р. 3[illegible]

ГОСПОДИНЪ ТОПОТУНЪ. Переводъ съ франц. *Е. Д. Хирьяковой.* 12 рис. въ текстѣ. Цѣна—въ обложкѣ—1 р., въ папкѣ—1 р. 25 к. Въ перепл. 1 р. 6[illegible]

М. В. Новорусскій. ПРИКЛЮЧЕНІЯ МАЛЬЧИКА МЕНЬШЕ МАЛЬЧИКА. Изъ жизни насѣкомыхъ. Съ 8 рис. отпечатанными въ краскахъ и 7 черными. Цѣна—въ обложкѣ—1 р. 50 к., въ папкѣ—1 р. [illegible] к. Въ переплетѣ 2 р.

Сезеракъ-де-Форжъ. ЧЕЛОВѢКЪ СТАЛЪ ЛЕТАТЬ. Прошлое, настоящее и будущее авіаціи. 35 рис. Съ франц. *В. Керженцева.* Ц. 95 к., въ пер. 1 р. 1[illegible]

Германъ Вагнеръ. ВЪ ПОЛѢ И НА ЛУГУ. Разсказы о разныхъ растеніяхъ и камняхъ. Переводъ съ нѣмецк. *В. М. Величкиной.* 94 рис. въ текстѣ. Цѣна—въ обложкѣ—65 к. Въ папкѣ—85 к. Въ переплетѣ 1 р. 15 к.

В. М. Величкина. ДРУГЪ ДѢТЕЙ. Разсказъ о замѣчательномъ швейцарскомъ учителѣ Генрихѣ Песталоцци. Съ тремя рисунками въ текстѣ. Ц. 20 к.

В. М. Величкина. ШВЕЙЦАРІЯ. Швейцарскія горы, швейцарскіе города и деревни, жизнь швейцарскаго народа. 70 рис. въ тексты. Цѣна — въ обложкѣ — 8[illegible] Въ папкѣ 1 р. Въ переплетѣ—1 р. 30 к.

А. М. Хирьяковъ. ВЪ СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ и другіе разсказы. Ц[illegible] въ обложкѣ—65 к. Въ папкѣ—85 к. Въ переплетѣ—1 р. 15 к.

Г. Мало. ПРИКЛЮЧЕНІЯ РОМЕНА КАЛЬБРИ. Перев. съ франц. *Е. Д. Хирьяковой.* 2-е изд. 17 рис. въ текстѣ. Цѣна въ обложкѣ — 1 р. Въ папкѣ 1 р. 20 к. Въ переплетѣ—1 р. 50 к.

Ив. Абрамовъ. ЧТО ГОВОРЯТЪ ЗАБЫТЫЯ МОГИЛЫ. (Очерки по археологіи). Съ 67 рис. въ текстѣ. Подъ редакціей и съ предисловіемъ *М. В. Новорусскаго.* Цѣна въ обложкѣ—65 к. Въ папкѣ—85 к. Въ переплетѣ—1 р. 1[illegible]

И. С. Абрамовъ. ПОДЪ РОДНЫМЪ СОЛНЦЕМЪ. Экскурсіи по Россіи. Съ 58 р[illegible] въ текстѣ. Цѣна въ обложкѣ—1 р. Въ папкѣ—1 р. 20 к. Въ перепл.—1 р. 5[illegible] к.

М. П. Ягодовскій. ВЪ СТРАНѢ ПОЛУНОЧНАГО СОЛНЦА. Воспоминанія о Мурманской экспедиціи. Съ 152 рис. въ текстѣ, съ 8 иллюстр. отпечатанными в[illegible] краскахъ, 4 карты, портретъ начальника экспедиціи проф. Н. М. Книпповича. Цѣна въ обложкѣ—2 р. 50 к. Въ папкѣ—2 р. 80 к. Въ переплетѣ—3 р. 2[illegible]

В. Мольденгауеръ. ВЪ ХВОЙНОМЪ ЛѢСУ. Изъ воспоминаній молодого экскурсанта. Съ 37 рис. худож. *Оск. Клевера.* Цѣна въ обложкѣ—65 к. Въ папкѣ 85 к. Въ переплетѣ—1 р. 15 к.

В. Мольденгауеръ. ВЪ ЛИСТВЕННОМЪ ЛѢСУ. Изъ воспоминаній молодого экскурсанта. Съ рис. худож. *Оск. Клевера.* Цѣна въ обложкѣ—75 к. Въ папкѣ 95 к. Въ переплетѣ—1 р. 25 к.

Е. и Н. Емельяновы. У НАСЪ СВОЙ САДИКЪ. Ц. 50 к. Въ папкѣ—75 к. Въ перепл.—1 р. 10 к.

С. А. Павловичъ. Простѣйшія работы по изготовленію зоологическихъ и ботаническихъ коллекцій въ школѣ и дома. Краткое практическое руководство для начинающихъ натуралистовъ и пособіе для руководителей занятіями и ручному труду. Цѣна 1 р. 30 к. Въ папкѣ—1 р. 50 к. Въ перепл.—1 р. 80 к.

П. Н. Сурожскій. ЗЕЛЕНЫЙ ШУМЪ. Разсказы. Со многими виньетками и заставками. Ц. 85 к. Въ перепл.—1 р. 35 к.

Ал. Алтаевъ. ПОЭТЫ ЮНОСТИ. (Жуковскій, Лермонтовъ, Надсонъ). Со многими рисунками, портретами и заставками. Ц. 1 р. 75 к. Въ папкѣ—2 р. Въ переплетѣ 2 р. 25 к.

Ал. Алтаевъ. ПѢВЕЦЪ СТРАДАНЬЯ И СВОБОДЫ. (Жизнь М. Ю. Лермонтова). Съ 20 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. Въ папкѣ—1 р. 20 к. Въ перепл.—1 р. 5[illegible] к.

Ал. Алтаевъ. ЮНОША-ПОЭТЪ. (Жизнь и творчество С. Я. Надсона). Ц. 5[illegible] Въ папкѣ—70 к. Въ перепл.—1 р.

Ал. Алтаевъ. ВНИЗЪ ПО ВОЛГѢ РѢКѢ. Съ 21 рис. въ текстѣ. Ц. 65 к. Въ папкѣ—85 к. Въ перепл.—1 р. 15 к.

А. А. Евдокимовъ и Ко. Петроградъ.